Сусуев Зайналбек
Абдурахманович

Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности

Политический очерк

Зайналбек Сусуев

Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности. Политический очерк

«Издательские решения»

Сусуев З. А.

Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности. Политический очерк / З. А. Сусуев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905395-4

Трагические события в Чеченской Республике с 1991 года рассматриваются в причинно-следственной связи с предыдущими российско-чеченскими отношениями. Автор обосновывает то, что военные действия в Чеченской Республике были призваны обеспечить решение политических задач высшего руководства России. В частности проведение выборов 1996 и 2000-х годов.

ISBN 978-5-44-905395-4

© Сусуев З. А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие автора 6
1. Чеченская тема в исторической науке 9
2. Какую Россию знала Чечня 14
3. Опыты строительства чеченского государства 22
Введение 22
3.1. Договоры, присяги, прокламации, референдум 27
3.2. Эпоха Бейбулата Таймиева 36
3.3. Религия и религиозные деятели в общественной и политической жизни чеченцев 39
3.4. Период политических иллюзий 55
Конец ознакомительного фрагмента. 63

Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности Политический очерк

Зайналбек Абдурахманович Сусуев

© Зайналбек Абдурахманович Сусуев, 2018

ISBN 978-5-4490-5395-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие автора

В октябре 2004 года в номерах 20 и 21 газеты «Голос Чеченской Республики» вышла моя статья «Чечено-российские отношения и идея чеченской государственности». Эта тема настолько обширна, что на страницах газеты её можно было изложить только тезисно. Ведь письменная история Чечни – это прежде всего история её отношений с Россией и сопредельными народами. На эту тему написано огромное количество работ российскими, чеченскими, грузинскими, армянскими, дагестанскими и других народов авторами, дореволюционного (до 1917 года), советского и современного периодов. Одно их перечисление займёт множество страниц.

В данной работе, обозначенной мною как политический очерк, сделана попытка рассмотреть события конца XX – начала XXI века в Чечне и вокруг неё в контексте причинно-следственной связи с развитием всех предыдущих чечено-российских отношений и опытов (попыток) государственного строительства на территории современной Чечни. Данная работа именуется политическим очерком, поскольку я не профессиональный историк и исторические факты мною приводятся исключительно с целью освещения и развития заявленной темы. Это, надеюсь, немного смягчит критику дотошных историков с одной стороны, злобные нападки ангажированных политиков с другой и требующих и от историков, и от политиков «новой» переписанной истории власть имущих – с третьей стороны. А такая тенденция существовала и существует. В нашей современной истории вопрос трактовки событий прошлого архиважен и в связи с необходимостью оценки событий мирового значения – развала великой державы СССР и последовавших за ним кровавых событий, среди которых самым значимым является война в Чечне, и в связи с тем, что в странах Европы, в Америке и особенно в республиках, отделившихся от бывшего СССР и Организации Варшавского договора, намечается явная тенденция стремлений пересмотреть историю Второй мировой войны. В этих странах наряду с пересмотром вопросов трактовки собственной истории и истории отношений с Россией, что вполне закономерно и оправданно, началась ревизия истории Второй мировой войны – причин начала войны, её хода и последствий. Делаются утверждения, умаляющие несомненно огромное значение Советской армии в деле разгрома фашистской Германии, в деле освобождения от фашизма не только собственной оккупированной территории, но и территорий и народов Европы и самой Германии. Такая тенденция может быть вызвана и тем, что в странах Европы, оказавшихся в зоне влияния Советской армии и советского политического влияния, если не сказать – оккупации, руководство СССР установило ненавистные всем народам и прежде всего собственной стране тоталитарные режимы. Отсюда и нескрываемая неприязнь ко всему советскому, которая и проецируется на современную Россию – правопреемницу СССР. Тем более что современная, якобы демократическая Россия сохранила все признаки тоталитаризма бывшего СССР во внутренней и имперские замашки во внешней политике. Но попытки умаления роли Советского Союза, его армии, пересмотра итогов этой войны, что чревато возникновением новых конфликтов, обострением отношений между ведущими странами мира, территориальными спорами, вызывают понятную озабоченность не только российских историков, но прежде всего высшего политического руководства страны. Отсюда и предложения о необходимости написания единого для всей страны учебника по истории. В этом едином учебнике, конечно, одним из значимых будет и вопрос о роли и ответственности отдельных политических и военных деятелей, участвовавших в развале СССР и развязывании и ведении войны в Чечне, как первой, так и второй кампании этой грязной и жестокой войны. Немалую озабоченность и внимание к вопросам освещения событий последних десятилетий проявляют и региональные руководители, особенно в республиках Северного Кавказа и особенно в Чечне. Им – вчерашним партийным и комсомольским боссам, им – вчерашним участникам джихада, им – вчераш-

ним придворным муллам в штабах различных бригадных генералов, в одночасье превратившимся в радетелей России, в борцов за единство России против международного терроризма, тоже нужна новая, своя история. Но и мы, простые граждане, на себе испытавшие все ужасы этой войны, имеем право на свою историю, как и право на её изложение, что я и попытаюсь сделать, стараясь следовать принципу объективности и указаниям пророков всех религий – «не суди и не судим будешь», что, конечно, будет очень нелегко. Многие из нас способны видеть мир только в чёрно-белых тонах. Мы идеализируем одних и крайне негативно отзываемся о других. В жизни так не бывает. В данной работе мне приходится упоминать имена многих участников описываемых событий, и в том числе участников демократического движения в Чечено-Ингушетии и периодов военных действий на территории Чечни. Со многими из них я был лично знаком. И с абсолютным большинством из них сохранил хорошие отношения. Конечно, крайне неоднозначно можно характеризовать деятельность многих из них. Но упоминаются они в данной работе исключительно только в связи с происходившими событиями, но никак не с целью характеризовать кого-либо как личность. Тем более что многих из них нет в живых. Дала гечдойла массарна а.[1]

Тысячи и тысячи чеченских молодых и разного возраста людей погибли в войнах на территории Чечни в период с 1994 года. Это были не террористы, как многие современные политические деятели пытаются представить. Воевавшие погибли, сражаясь за Свободу и Независимость, за личную и национальную честь и достоинство. Абсолютное большинство – от военных действий российской авиации и артиллерии, от преднамеренных убийств при зачистках населённых пунктов и пыток в местах задержаний. Более полутора сотен тысяч погубленных жизней. И не только чеченцев. От действий российской армии и бандитствующих отморозков в этих событиях погибло немало русского и других народов населения бывшей Чечено-Ингушетии и всей России. Выражаю глубокое соболезнование родным и близким погибших, огромное сочувствие тем, кто всё ещё с надеждой ждёт своих без вести пропавших родных. Их тоже не менее пяти тысяч только учтённых.

В данной работе затронуты и вопросы использования определёнными силами и личностями религиозной риторики в политических целях, что, конечно, не может рассматриваться как критика какой-либо религии, религиозных учений или направлений в исламе или в других религиях. Я не имею никаких предпочтений или предубеждений в отношении существующих в современных религиях различных течений, школ, учений, сект. Хотя в своих молитвах поминаю своих усопших родителей, братьев, родных по отцовской и материнской линии по обряду (вирду), определённому устазом (учителем, проповедником религии) Кунта-Хаджи Кишиевым. К великому сожалению, религиозные разногласия в рассматриваемый период и в современной Чечне, да и во всём современном мире, были и остаются дополнительными дестабилизирующими обстоятельствами к существующим политическим, экономическим и социальным противоречиям.

Да даст нам Всевышний терпения, стойкости и мудрости, чтобы избежать в дальнейшем трагических событий, через которые прошли многие поколения нашего народа.

В данной работе для обоснования моих суждений и в полемических высказываниях приводится множество цитат из статей и книг, высказываний российских, чеченских зарубежных журналистов, писателей, историков, политических и военных деятелей, а также простых граждан. Выражаю глубокую благодарность и признательность всем, кто объективно, честно и смело, зачастую рискуя своей карьерой и даже жизнью, высказывал своё мнение и отражал в своих трудах непростые этапы российско-кавказских, российско-чеченских отношений, выступал против войны в Чечне, против любых проявлений насилия и недружелюбия в отношениях между народами, которые всей своей историей, географическим положением,

[1] *Да смилостивится над ними Бог.*

экономическими, культурными и даже многочисленными родственными связями обречены на поиск оптимальных, взаимоуважительных, дружественных форм сотрудничества и проживания. Те же, в отношении которых я в полемике высказывал критическое отношение, надеюсь, должны понимать, что я имею право на собственные суждения, как и право их высказывать. Конечно, возможны не всем приятные формулировки и не совсем верные утверждения и предположения. Никто от этого не застрахован. Буду благодарен за конструктивную, обоснованную критику и надеюсь, что буду ограждён от злопыхательства.

С уважением к читателям,
З. Сусуев

1. Чеченская тема в исторической науке

«…Излишества исторического чувства, от которых страдает современность, умышленно поощряется, поддерживается, с тем чтобы использовать их в известных целях».
Ф. Ницше

В 1929 году в №3 журнала «Революция и горец» была напечатана статья «Как не надо писать о Чечне». Написал её замечательный чеченский поэт, писатель, в то время руководящий работник в органах советской власти, а позднее узник ГУЛАГа Магомет Мамакаев. Характеризуя литературу того периода о Кавказской войне, он писал:

«Горцы, естественно, рассматривались как внешние враги России… Отсюда некое „молчаливое соглашение" заранее со всем тем, что могло быть о них написано. Могло же быть о них написано только то, что должно было оправдать основную идею – покорение Кавказа, законность наступления на юг, массового истребления горцев, сжигания их жилищ, предания огню и мечу их аулов».

Причём М. Мамакаев в своём выступлении против попыток оправдать захватническую политику царизма не был одинок. В первом номере того же журнала «Революция и горец» автор Гурген Левонян писал, что многие народы Северного Кавказа оказались в числе верноподданных, *«будучи прижаты к стене экзекуциями и карательными экспедициями».* Однако выступления их и многих других были обречены тем, что история писалась от политической доктрины.

«Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее… Историю, как старый пергамент, выскабливали заново – столько раз, сколько нужно… И где-то, непонятно где, анонимно существовал руководящий мозг, чертивший политическую линию, в соответствии с которой одну часть надо было сохранить, другую фальсифицировать, а третью уничтожить без остатка», – этими словами английского писателя Джорджа Оруэлла из романа «1984» можно без особой натяжки характеризовать состояние бывшей советской и настоящей российской исторической науки. И хотя сейчас не существует такого мощного аппарата, как отдел агитации и пропаганды ЦК КПСС со своими подразделениями во всех обкомах и райкомах, внимание к исторической науке российских политиков и государственных деятелей как в центре, так и в регионах велико. О некоторых причинах этого внимания уже упоминалось в предисловии. Кроме того, причина видится и в том, что к истории, как и к религиям, политики относятся прежде всего как к средству идеологического воздействия на массы людей с целью обосновать или оправдать свою линию. В настоящее время на самом высшем уровне принято решение о необходимости издания единого учебника по истории для школ и вузов. Но доктрины исторической науки в стране пересматриваются не в первый раз. Экзамены по истории в учебных заведениях отменялись в 1956, 1988 годах. Факты, свидетельствующие о том, что в досоветской, советской, современной российской исторической науке, а следовательно, и в учебниках по истории не нашли должного отражения имевшие место события, или они получили неправильную или заведомо искажённую трактовку, или же и то и другое – не соответствовало политическому курсу руководства на том или ином этапе. Вот и переписывают её столько раз, сколько нужно. И каждый раз поднимается и по-разному толкуется так называемый кавказский вопрос в истории, составной частью которого является и вопрос освещения истории Чечни и чечено-российских отношений. Сейчас он опять оказался актуален. Почему? Предстоит дать оценку событиям на Северном Кавказе и особенно войне в Чечне. И, что немаловажно, роли отдельных личностей – политических деятелей, военных, представителей духовенства в этой войне. Какая тенденция? В настоящее время в сознание граж-

дан всей России лидерами националистических движений, отдельными депутатами всех уровней, отдельными политиками и руководителями различного ранга допускаются высказывания о том, что все беды россиян – из-за Кавказа и кавказцев, а людей уничтожали и города и сёла разрушали в Чечне в борьбе с международными террористами, да и вся война в Чечне была инспирирована извне враждебными России силами, исламскими экстремистами. Так это мы уже проходили! Такая интерпретация событий на Кавказе не нова. Именно так характеризовалась борьба горцев Северного Кавказа за свою свободу с XVI века до 1917 года, в частности войны под руководством шейха Мансура и имама Шамиля, тоже якобы развязанные враждебными России зарубежными силами. Инспирированная партийными органами, такая «историческая» теория представила чеченцев вечно выступающими в фарватере враждебных России государств, то есть вина за веками лившуюся на Кавказе кровь подспудно ложилась на чеченский и другие народы Кавказа. А разве не то же самое мы имеем сейчас? Попытки трактовать события с начала 1991 года как выступления террористов и бандитов, опять-таки инспирированные извне, только против которых якобы и воевала российская армия, разве не равнозначны теориям, предшествовавшим выселению чеченцев, ингушей и других народов в 1944 году и получившим широкое распространение в годы их депортации?

В годы последней войны на территории Чечни в период с 1994 по 2009 год сражались, погибли, пропали без вести и остались увечными не десятки, не сотни, не тысячи, а десятки тысяч чеченцев и людей других национальностей, в том числе, конечно, и русских, а весь чеченский народ получил очередную вечную моральную травму. И не только чеченский. Пострадало огромное количество людей, которые инстинктивно чувствовали всю преступность и аморальность этой войны, но ничего не могли сделать. Более того, вынуждены были посылать на неё своих сыновей или сами участвовали в ней. Это ощущение сопричастности преступлению, конечно, не могло не вызвать психологическую травму у большинства порядочных людей во всей стране. Независимо от целей и мотивов тех, кто развязал эту войну-бойню и в Москве, и в Грозном, чеченцы воевали за свою свободу и независимость. И не были они ни бандитами, ни террористами, хотя, как во все времена в периоды великих потрясений в любых обществах, криминальные элементы и в этих событиях подымали планку своей деятельности. О террористах и терроризме мы ещё поговорим. Однако продолжим. Соединение указанных выше теорий по истории Кавказа в 30—40 гг. прошлого столетия с субъективной оценкой имевших место в ЧИАССР, как и во всей стране, отдельных стихийных выступлений в связи с перегибами при коллективизации и запретами на исполнение религиозных обрядов и национальных обычаев, отождествляемых с бандитизмом, которые, кстати, по масштабам намного уступали аналогичным выступлениям в других регионах, привело к тому, что весь народ был заклеймён как «враги народа» и депортирован. В результате чего более трети населения погибло от всем известных обстоятельств. Несколько поколений оказались физически и морально нездоровыми. Седобородые старцы, потрясающие посохами на площади перед Совмином в 1991 году, были те – из униженных в период 1944—1957 гг., из выживших, но ничего не забывших. Чувством психологического ожесточения выживших, но униженных, и чувствами их сыновей и дочерей, родившихся в изгнании, манипулировали те, кто вершили свои дела и в Грозном, и в Москве и в конце концов предали их.

Как видим, трагедии 1944 года предшествовало идеологическое наступление. После XX съезда КПСС, осудившего не только культ личности, но и несправедливость (преступление) в отношении многих народов страны, начался пересмотр идеологических установок, политической линии, исторических теорий, способствующих этим преступлениям, оправдывающих их. Прошли совещания историков в Москве, Махачкале. Состоявшаяся в октябре 1956 года в Махачкале сессия Дагестанского филиала Академии наук СССР и всесоюзное совещание историков, созванное Институтом истории Академии наук в ноябре 1956 года в Москве, констатировали: *«Нет никакого сомнения в том, что движение горцев не было инспирирован-*

ным извне, хотя враждебные России державы и пытались использовать его в своих агрессивных целях. Основу движения составляли трудящиеся горцы, боровшиеся за свою свободу и независимость, против захватнической, колонизаторской политики царизма, а также против местных феодалов как своих угнетателей и опоры царизма». («Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-х годах XIX века», Махачкала, 1959 год). И хотя речь здесь идёт конкретно о движении определённого периода, несомненно, что данное утверждение может быть отнесено и к военным действиям и до и после Кавказской войны. Осуждение культа личности Сталина, восстановление автономии репрессированных народов, начало развития объективной исторической науки, несомненно, способствовали развитию производства, науки, культуры, искусства в восстановленной ЧИАССР. Двадцатилетний период с 1957 по 1977 год для нашей республики можно назвать плодотворным в смысле развития производительных сил, науки, литературы, искусства. Хотя в наиболее важные отрасли производства, такие как нефтедобыча, нефтепереработка, машиностроение, чеченцы не принимались (речь об этом отдельно). Поколение, выросшее и не забросившее образование в депортации, жадно, страстно окунулось в творческую работу в областях науки, искусства, литературы. Вышли из печати: сборник стихов «Избранное» на чеченском языке М. Мамакаева, его же книга «Зелимхан», произведения на русском и чеченском языках Саида Бадуева, «Именем Свободы» А. Айдамирова, «Завещание воина» З. Муталибова, «Из тьмы веков» И. Базоркина. В исторической науке – «Восстание горцев в Чечне в 1877—1878 гг.» Мальсаговой Т. Т., «Чеченский язык» Чентиевой, «Чечено-русский словарь» Мациева. Чечено-Ингушский драматический театр стал одним из самых лучших на Кавказе. Ставились пьесы не только местных авторов – «Божали», «Бешто», «Петимат», «Песни вайнахов», – но и пьесы из русской классики, а также зарубежных авторов – Лопе де Вега, Гарсиа Лорки и др. В русском драматическом театре успешно работали актёры чеченской национальности. Но хрущёвская оттепель продолжалась недолго. Обозначившиеся некоторые свободы в развитии литературы, искусства, в общественной и политической жизни оказались кратковременными. В Чечне за этот период успели плодотворно поработать в области исторической науки. Так, в Грозном в 1967 году коллективом учёных была издана книга «Очерки истории Чечено-Ингушской АССР». Основные события истории края, освещение отношений с Россией в материалах книги соответствовали принципиальным положениям, определённым московским и махачкалинским совещаниями историков. Однако в 1978 году, через одиннадцать лет после написания, материалы книги были подвергнуты критике на конференции по историографии Дона и Северного Кавказа, состоявшейся в Грозном, прежде всего со стороны партийных работников – руководителей Чечено-Ингушского обкома КПСС. В их выступлениях звучала явная озабоченность тем, что с ростом образования происходит рост национального самосознания. На данной конференции первым секретарём обкома А. В. Власовым было дано задание, сформулированное им в докладе «Исторические исследования на уровень современных требований». А «современные требования», оказывается, заключались в том, что в очередной раз необходимо переписать историю, и переписать так, чтобы выходило, что Российская империя складывалась не в результате захватнических войн и колониальной политики царизма, а результате того, что все близлежащие народы и страны добровольно присоединялись к ней, принимали подданство отсталой крепостнической России. И это, безусловно, должно было рассматриваться как великое благо для них, иметь прогрессивное значение, а роль России должна была при этом быть цивилизующей. Данная установка была реализована на следующей конференции в Грозном уже в 1979 году. Но данной конференции предшествовал пленум обкома партии, который констатировал: *«…Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России произошло не в результате насильственного присоединения в период так называемой Кавказской войны, как утверждают некоторые научные сотрудники… Окончательное завершение процесса добровольного оформления русско-чечено-ингушского единства в составе России произошло в январе 1781 года при-*

нятием Договора о вечной дружбе с Россией». («Навеки вместе», стр. 16). Здесь не только предопределение решения вопроса, но и предупреждение «некоторым научным сотрудникам». Ими были научные сотрудники Чечено-Ингушского научно-исследовательского института истории, языка и культуры А. Вацуев, М. Музаев, Я. Вагапов – историки, которые были уволены из института за открытое выражение несогласия с данной, несомненно ложной, теорией. И не только они. С появлением «исторической» теории о якобы добровольном присоединении Чечено-Ингушетии к России все читающие чеченцы вдруг стали историками. Не избежал этой участи и я, выпускник Грозненского нефтяного института. Начал в своё свободное время засиживаться в «Чеховке» – республиканской библиотеке. И написал яростную статью против лжетеории Виноградовых на чеченском языке, которую отнёс в редакцию газеты «Ленинан некъ» («Ленинский путь»). В то время в стране всё было ленинским, как сейчас в Чечне – кадыровским, путинским. Редактор Юшаъ Айдаев бегло просмотрел материал и сказал, что не может напечатать. Помню, он откинулся в своём кресле и сказал*: «Заманах кхеттачо зама яьъна, заманах ца кхеттарг замано ваьъна»* («Кто время понял – пожал успех, кто не понял время – стал его жертвой» – смысловой перевод). Редактор был доволен временем и собой. Я – нет. Переписав статью на русском языке, понёс её в редакцию газеты «Грозненский рабочий». Там в каком-то отделе мне объяснили, что газета является органом обкома КПСС и напечатать статью, противоречащую официальной линии партии, не могут. Я-то, наивный, пишу, что выступаю против исторической теории, и отправляю письмо в обком партии с жалобой на то, что редакции газет препятствуют мне реализовать моё конституционное право слова и выражения мнения. Меня вызывают в обком. Работник отдела агитации и пропаганды, то ли зав, то ли замзав Руслан Нашхоев в отдельном кабинете говорит мне, что согласен со всем, что я пишу, но это не историческая, а политическая теория, и советует не лезть на рожон – не время. Но копия мною уже отправлена в ЦК КПСС. Вскоре получаю пространный ответ из Института истории Академии наук СССР. В письме разъясняется, что не только Чечено-Ингушетия, но чуть ли не все народы мира в своё время горели желанием добровольно войти в состав России, а для всех народов СССР установлены даты, которые считаются датами осуществления этих их желаний. Кстати, ингушские историки и политики до сих пор продолжают бахвалиться тем, что они, в отличие от Чечни, точно добровольно стали подданными России, хотя история знает немало примеров активного противодействия ингушской части единого вайнахского народа российской экспансии. Делать нечего – пошёл я со своими письменными выкладками на заседание общества «Кавказ» и зачитал их. Так я стал «неформалом». Празднование 200-летия добровольного присоединения Чечено-Ингушетии к России и 60-летия образования ЧИАССР состоялось в 1982 году на стадионе «Динамо». Не в силах сдержать от возмущения и бессилия слёзы, я покидал стадион. В воротах повстречал девушку. Я как-то сумбурно высказал ей своё недовольство происходящим. После этого прошло, наверное, более 25 лет. И вот в Грозном подходит ко мне известная в республике журналистка и спрашивает, помню ли я, как плакал на стадионе «Динамо». Я постеснялся признаться. Сегодня признаюсь. Потому что точно такие же чувства владеют мною и сейчас. Опять по большей части политиками и публицистами, озвучивающими их позиции, а не историками, предпринимаются попытки ревизии истории вообще и истории российско-кавказских, в том числе и российско-чеченских отношений. Сегодня они, не делая различий между тысячами сыновей и дочерей чеченского народа, среди которых было и абсолютное большинство современного чеченского руководства, которое, следуя призыву к джихаду Ахмат-Хаджи Кадырова и зову сердца, сражались и гибли с искренней верой, что воюют за свободу и независимость Чечни, и теми, кто, преследуя свои меркантильные интересы и выполняя задание своих российских и зарубежных кукловодов и превратно толкуя идею джихада, ввергли народ во вторую кровавую бойню, пытаются представить всё чеченское движение сопротивления как террористическое и, опять-таки, инспирированное извне.

Да, вторая чеченская война была инспирирована извне – из России. Это была пиар-кампания всех без исключения кандидатов в президенты России на выборах в 2000 году. Хотя готовили её определённые и известные круги в Чечне, в Дагестане, в Москве.

Да, это был террор, но прежде всего – террор российского государства над всем чеченским народом. И таким официально именовался – контртеррор.

В то время интеллигенция сумела развенчать, осудить теорию о якобы добровольном присоединении Чечено-Ингушетии к России, теорию от политики, виноградовщину в исторической науке. В 2008 году современные чеченские власти выкопали в истории чечено-российских отношений нужную дату и отметили 420-летие установления дружественных отношений Чечни с Россией. Так чеченцы никогда не относились и не относятся недружественно к русским и к другим народам. Спустя много лет, в 1990 году апологет этой явно политизированной теории В. Б. Виноградов выступил в газете «Грозненский рабочий» со статьёй «История с директивной историей», в которой он писал:

«Состязательность выдвинутых идей и версий учёных была, как теперь становится совершенно ясно, нарушена прямой политизацией, идеологизацией проблемы… Да, концепция добровольного вхождения чеченцев и ингушей в состав России два столетия назад, подаваемая как инстанция в последней ипостаси, отвергнута большинством историков».

Думается, что и Виноградов, и С. Умаров, и другие историки, продвигавшие эту «теорию», не могли не знать не только о её неверности, но и о её зловредности. Но была доктрина, чёткая политическая установка, и её озвучил тот же Виноградов и его приспешники. В брошюре «История о добровольном вхождении чеченцев и ингушей в состав России и его прогрессивные последствия» под редакцией Виноградова пишется, что идея о насильственном присоединении Чечено-Ингушетии к России постулируется с *«целью взращивания ненависти к русским и другим народам нашей страны».* Далее авторы вменяют инакомыслящим *«формирование „надежды“ на восстановление „независимости“, отделение от СССР»* и другие надежды. И такие политические установки, выдаваемые за исторические теории, насаждались по всей стране, а также в странах Варшавского договора, а их критика считалась чуть ли не уголовным преступлением. В «Литературной газете» от 14 мая 1988 года (время перестройки) приводятся слова участника встречи польских и советских историков, польского историка К. Журавского: *«История царской России, её империалистическая политика, планомерная русификация – всё это является у нас областью интересов цензуры. Один высокий партийный деятель из группы Герека эту проблему сформулировал чётко и ясно: критику царизма партия будет трактовать как закамуфлированную критику Советского Союза».* А это было чревато последствиями. Извращение истории, попытки научно обосновать репрессивную по сути политику российского государства и царского, и советского периодов в отношении и своего, русского, и других народов вызывали всплески возмущения, подготовили ту почву, на которой взошли семена раздора по всей стране, и стали одной из причин развала советской империи и кровавых событий в Чечне. К сожалению, и сегодня на свет вытаскиваются прежние инсинуации об инспирированности этих событий извне. А потрясшие весь мир кровавые злодеяния российской армии в Чечне в период 1994—2009 гг. пытаются представить как борьбу с терроризмом, причём с международным. Хотя суть её всему миру известна. Суть её можно выразить словами русского же журналиста: *«Истребление тысяч совершенно невинных граждан на территории Чечни характеризуется международным и национальным правом однозначно – это геноцид»* (А. Илларионов, Б. Левин, «Россия должна признать независимость Чечни», газета «Зов предков», №4, 1995 год).

2. Какую Россию знала Чечня

«…Исторический и этнический факторы не лежат в основе конфликтов в регионах бывшего СССР, включая Чечню и в целом Северный Кавказ. Тем не менее, мы отдаём должное истории как мощному объяснительному и мобилизационному ресурсу».
В. П. Тишков.
«Общество в вооружённом конфликте»

Я бы добавил, что и религиозный фактор не является причиной конфликтов на постсоветском пространстве, хотя определёнными кругами и в Чечне, и в России пытаются представить последнюю войну в Чечне, как и предыдущие, имеющей религиозный характер. Это абсолютно не так. Впрочем, об этом – отдельно. Но на истории взаимоотношений граждан, этнических, религиозных, социальных групп, народов и стран, хотя бы как на объяснительном факторе, хотя бы на примере Чечни, следует, наверное, остановиться.

Исторические факты – они объективны, но в исторической науке и в России, и в других странах ими нередко манипулируют, как уже писалось. Менялась не только интерпретация событий и фактов – менялась и терминология. Термин «присоединение» в освещении российско-чеченских отношений был заменён термином «вхождение», что подразумевало добровольность события. Понятие «национально-освободительное движение» было заменено на «движение сепаратистского характера». История Чечни последних пяти столетий – это прежде всего история отношений с Россией. К сожалению, писалась она кровью. Одной из концепций толкования истории взаимоотношений России с сопредельными народами, которые оказались в её составе в результате то ли насильственного присоединения, то ли добровольного вхождения, была и концепция о цивилизационной роли России в отношениях с этими народами и, следовательно, о прогрессивном значении российской колонизаторской политики. Извечная песня всех колониальных держав. В годы, предшествующие событиям 90-х годов прошлого столетия, чеченцам, как и другим народам, внушалась аналогичная мысль. В сборнике «Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа» академик А. Л. Нарочницкий в то время писал: *«С вхождением народов Северного Кавказа в состав России открылась новая страница в истории этих народов. Не Россия помещиков, капиталистов, с её самодержавно-крепостническими и буржуазными антинародными порядками, великодержавно-крепостнической идеологией господствующих классов – угнетателей масс всех национальностей, в том числе и русской, а подлинно прогрессивная Россия с её замечательными демократическими и революционными традициями, передовой революционно-освободительной идеологией и передовой культурой стала определять взаимоотношения народов Северного Кавказа и русского народа».* Если в первой части данной цитаты дана исчерпывающая характеристика России тех времён, которую только и могли знать чеченцы и другие народы, то утверждения второй части о некой прогрессивной России более чем спорны. Могли ли чеченцы знать такую, да и была ли такая?

Вспомним историю России периода XVI – XIX веков, периода знакомства чеченцев и других народов Северного Кавказа с Россией. Русский народ – сплошь безграмотный, влачит жалкое существование в крепостном рабстве. Люди заняты непосильным трудом в помещичьих поместьях, над ними издеваются изуверски, их продают, меняют на щенят, зачастую разделяя родителей с детьми. Их порют розгами и кнутами. Даже после отмены крепостного права в 1861 году жизнь их не стала лучше, напротив, они стали нищими, так как остались без земли. Те мизерные участки земли, которые им разрешал использовать помещик, они были обязаны выкупить у него. Редко кто мог это сделать. И не может быть никакой речи о том, что этот

народ мог что-то определять в своём государстве и в отношениях с другими народами и, тем более, нести какую-то передовую культуру в другие народы, особенно в среду народов Кавказа, где личная свобода, честь и достоинство личности ценились превыше жизни. Это в 1998 году новоявленные «радетели» шариата вздумали пороть чеченцев, за что и поплатились – народ отвернулся от них, а в то время такое было невозможно. Даже имам Шамиль не осмеливался посягать на чеченские адаты. Продолжим про Россию: царь Петр I только-только сбрил бороды русским боярам, в нескольких столичных учебных заведениях преподавание ведётся на немецком языке… Такова была Россия в период, когда, оказывается, все народы и страны от Польши на западе до Тихого океана на востоке якобы возжелали в неё войти. Да, была и другая Россия – после 1825 года. Россия образованных, достаточно передовых взглядов дворян и разночинцев. Правда, самый главный из этих «передовых», руководитель декабристов Пестель, в своей программе уготовил для кавказцев и других народов незавидную участь – жизнь в резервациях. Но не могла эта Россия определять взаимоотношения русского и других народов. Где была эта Россия? Эта Россия гнила в казематах Петропавловской крепости, звенела кандалами в сибирских рудниках, томилась в эмиграции, а остальная часть, одетая в солдатские и офицерские шинели, проявляла чудеса храбрости в боях с чеченцами, как было написано в представлении на М. Ю. Лермонтова: *«Будучи рядовым, проявлял исключительную храбрость»*. То же самое пишется про Бестужева-Марлинского в библиографическом словаре «Русские писатели». Офицерский чин, по его собственным словам, *«он выстрадал и выбил штыком»*. Против кого был обращён этот штык, мы знаем. Да, они были сосланные, люди подневольные, как и абсолютное большинство русского народа. А вот другие – передовых взглядов, прогрессивные люди России: командующий Кавказской линией в 1840 году Н. Х. Граббе, проконсул Кавказа в 1816—1826 гг., генерал Ермолов – заслужившие на века ненависть народов Кавказа, особенно последний. Про них мы читаем в том же словаре: *«П. Х. Граббе, в прошлом член Союза благоденствия, человек просвещённый и благожелательный»* (указ. соч., стр. 413). Про Ермолова: *«Герой Отечественной войны 1812 года, человек большой культуры и личного обаяния»* (указ. соч., стр. 261).

Этот «*человек большой культуры*», которого никогда не покидало чувство, что он россиянин, как было написано на его памятнике в Грозном, своей жестокостью заслужил среди народов Северного Кавказа прозвище «Палач». Человек «личного обаяния» обольщал, похищал и насиловал горских женщин, в том числе замужних. Этот «герой войны 1812 года», который заявлял, что не успокоится, пока жив хоть один чеченец, уничтожал целые кавказские сёла, истреблял всё их население, не щадя даже детей. Крепость Грозная была заложена на месте уничтоженных четырёх или пяти чеченских сёл и хуторов. Памятник Ермолову в Грозном несколько раз взрывали неизвестные лица, но его опять восстанавливали. Окончательно его снесли в 1991 году. Вообще-то неизвестно, окончательно ли: в 2018 году исполняется 200 лет с момента заложения Грозной, и вовсе не исключено, что современные власти Чечни в своём верноподданническом усердии восстановят его. И ничего странного в этом не будет: в городе, где есть улица имени В. В. Путина, в бытность которого премьер-министром город был превращён в руины, есть улица генерала Трошева и псковских десантников, которые с боями его брали, установление памятника генералу, который этот город заложил, будет выглядеть вполне логично. Нелогично другое: почему в Грозном нет улиц и площадей генералов Рохлина, Шаманова, Степашина, Куликова, Романова, Бабичева, Квашнина, Барсукова – что, они хуже воевали, чем Трошев? Нам остаётся только надеяться, что всего этого не произойдёт.

О деятельности Ермолова, его жестоких методах ведения войны не против армии, не против какого-то государства, а против населения Чечни и других районов Северного Кавказа в России знали достаточно хорошо. Тем не менее, это не помешало Ф. Н. Глинке, тоже передовому человеку своего времени, написать стихотворение «Заздравный кубок А. П. Ермолову», в котором, в частности, пишется:

…А шашка между тем чеченцев
Вела с штыком трёхгранным спор,
И именем его младенцев
Пугали жёны диких гор…

Отзыв, конечно, не очень лестный, но правдивый. Аналогично высказывается великий Грибоедов: *«Имя Ермолова ещё ужасает; дай бог, чтобы это очарование не разрушилось… Будем вешать и прощать и плюём на историю»* (из письма Бегичеву, 1825 год).

Великий русский писатель граф Л. Н. Толстой, именем которого назван Чеченский государственный университет – если Бестужев, Лермонтов и некоторые другие воевали на Кавказе, будучи сосланными, то Толстой в действующей армии в Чечне оказался просто любопытства ради. Ему очень хотелось проверить, храбрый ли он человек, и своими глазами увидеть, что такое война. И он её увидел, узнал и осудил, и стал великим писателем. И ещё – он проникся чувством глубокого уважения к чеченскому народу, который на протяжении веков вёл непрерывную неравную борьбу за свою свободу и независимость. И не только он. В том же сборнике академик Ю. А. Жданов писал: *«Свободолюбие горцев, их непреклонность перед любым насилием возбуждали встречный ответный ток в сердцах лучших русских людей».* А вот слова известного этнографа Яна Чеснова, написанные в октябре 1994 года накануне ввода российских войск в Чечню: *«Истинным патриотам России небезразличен этот народ, связавший с нею судьбу волей истории. Беспредел, установленный в Чечне в последние три года, возник там с ведома российских властей».* И если эти «лучшие люди» были вынуждены воевать в своё время против горцев, а в современной России никоим образом не могут влиять на тех, кто развязал очередную войну против чеченцев, на тех, кто сеет раздор и смуту между народами, то ясно, какая Россия определяла отношения между русским и другими народами и какую Россию могли знать и знали чеченцы. С Россией русского народа чеченцы знакомы не были, с Россией колонизаторской они всегда воевали, и именно эта Россия определяла характер российско-чеченских отношений. Но, может быть, права русская пословица «Нет худа без добра», и есть какой-то смысл в высказывании секретаря ЦК КПСС В. Н. Пономарёва, сделанном им ещё в далёком 1963 году в его докладе «Историческую науку и образование на уровень задач коммунистического строительства», в котором писалось: *«Диалектика истории такова, что вопреки реакционным методам и целям царизма присоединение народов к России, объединение их сил с силами русского народа в борьбе против национального и социального гнёта подготовило общий фронт революционного движения».* Здесь всё поставлено с ног на голову. По мысли автора, царизм работал на обеспечение того единого фронта, который его и сгубил. Приведём другую цитату – Ф. Энгельса (хотя ныне и не принято цитировать классиков марксизма), который писал, что *«в искажённо-спекулятивном представлении делу придаётся такой вид, будто последующая история является целью для предшествующей, будто открытие Америки имело основной целью помочь разрешиться Французской революции».* Не присоединение Чечни и других территорий к России, а борьба чеченцев и других народов против этого присоединения обеспечили тот общий фронт, о котором писалось выше, и который не только не принёс народам Северного Кавказа освобождение от военно-полицейского режима, который установила в крае царская администрация, а наоборот придал ему более жестокие формы, который до самых настоящих пор существует в Чечне и надобность и необходимость которого обосновывается не только различными партийными и политическими деятелями, но и полностью поставленными властями в своё подчинение чиновниками от религии – чеченским мусульманским духовенством, которое исламскую религию низвело до уровня политической идеологии, обслуживающей власть. Как необязательно было присоединять Россию к Пруссии или к другой западноевропейской стране, культуру и образованность которых Петр I насаждал

в стране, так необязательно было присоединять Чечено-Ингушетию к России, чтобы обеспечивать её социально-экономическое, культурное развитие, что, конечно, не являлось целью этого присоединения. Дружеские, союзные отношения с Россией, на которые всегда рассчитывали чеченцы, несомненно, обеспечили бы всё это и без тех огромных жертв, которые народ понёс только потому, что имперская сущность российского государства никогда ни в какие времена не допускала и не допускает таких отношений. *«Покорение – дореволюционный период. Подчинение и усмирение – советский период. Умиротворение – период перестройки и приватизации. Разговора на равных не было никогда»*, пишет в своей статье «Национально-государственное строительство в Чечне» известный общественный деятель и историк А. Бугаев. По форме, по степени жестокости и декларируемым целям политика России в отношениях с чеченцами и другими горцами Северного Кавказа, да и других соседних народов, претерпевала различные изменения. Но сама имперская сущность этой политики не менялась. Она заключалась в том, что отношения с чеченцами и другими народами Кавказа российские политики и генералы строили исключительно на основе безусловного признания ими подданства России. Подданства, навязываемого силой оружия, с чем, конечно, смириться чеченцы не могли. В своей книге «Два века Терского казачества» В. А. Потто писал: «*Ненависть горцев к нам как к пришельцам, вторгшимся в их внутренний мир, ни для кого не являлась секретом; она и выражалась частыми вспышками, подавляемыми только силой оружия. Перед этой силой приходилось смиряться, но надежда так или иначе избавиться от ненавистной им опеки никогда их не покидала*».

Конечно, здесь и вообще речь идёт не об отношениях между горцами и русским народом. Речь везде об отношениях к репрессивным органам российского государства. Даже после пленения Шамиля восстания в Чечне и Дагестане, среди адыгов и черкесов продолжались.

• 1860—1861 гг. – восстание в Ичкерии. Предводитель – бывший наиб Шамиля Байсангур Беноевский.

• 1860 год – восстание в Аргунском округе. Предводители – бывший наиб Шамиля Ума Дуев и Атаби Атаев.

• 1864 год, январь – движение за освобождение Кунта-Хаджи. Расстрел его сподвижников в Шали.

• 1865 год – попытка восстания в селе Харачой под предводительством Тазу Экмурзиева.

• 1877—1878 гг. – мощное восстание в Ичкерии под предводительством Алибек-Хаджи Алдамова, перекинувшееся на горный Дагестан.

• 1878 год, 9 марта – в Грозном через повешение казнены руководители антиколониальных восстаний в Чечне, всего 11 человек, в том числе Алибек-Хаджи Алдамов, Ума-Хаджи Дуев, Дада Умаев (сын Умы), Дада Залмаев и другие. Ещё в 1861 году в Хасавюрте был повешен легендарный Байсангур Беноевский.

До 1917 года борьба горцев принимает форму абречества. Как писал А. Шерипов, *«власть терроризировала мирное население, а абреки терроризировали эту власть»* (А. Шерипов, «Статьи и речи», стр. 47. Грозный, 1961 год).

Ценою огромных жертв с обеих сторон России периодически удаётся устанавливать своё военное присутствие на территории Чечни.

Фактически никакого присоединения, тем более вхождения, не было. Власть российская в Чечне всегда носила номинальный характер. Надежды, которые чеченцы связывали с приходом власти новой, советской, не оправдались. Эта власть отняла у них землю, право ношения оружия, право исполнять свои религиозные обряды и соблюдать национальные обычаи, хотя всё это гарантировалось декларацией В. И. Ленина «Ко всем трудящимся России и Востока».

«Красный террор» в годы гражданской войны, голодомор, коллективизация и раскулачивание тридцатых годов, чистки партийных рядов, репрессии НКВД и депортации целых народов в 40—50-х гг. – вот вехи кровавой истории большевизма. Нет никакой надобности

делать экскурсии по их следам, об этом написано и известно много. Например, в книге Абдурахмана Авторханова «Народоубийство в СССР. Убийство чеченского народа» приводятся такие факты: только в операции, начатой в ночь с 31 июля на 1 августа 1937 года, в Чечне были арестованы до 14 тыс. человек. Далее в течение 1937—1938 гг. были арестованы все работники партийных, советских, правительственных органов из числа чеченцев и ингушей как на территории республики, так и за её пределами. Но одно обстоятельство, наверное, следует выделить. Террор. Террор, почему-то именуемый в современных исторических исследованиях просто репрессиями, осуществлялся высшим руководством страны над всеми народами Советского Союза. Осуществлённый против лиц русского народа, он действительно мог именоваться репрессиями, но, осуществлённый в отношении отдельно взятой нации, он должен именоваться геноцидом, каковым и являлся акт поголовного выселения чеченцев, ингушей, карачаевцев, калмыков, крымских татар. Негативные последствия всего этого не только в том, что погибли сотни тысяч, а в масштабах страны – миллионы людей, но и в том, что народами, в отношении которых этот террор-геноцид осуществлялся, власть, исходящая из Кремля, рассматривалась как власть русских и в дореволюционный, и в послереволюционный периоды. А самим русским внушалось, что именно они вершители судеб сопредельных народов, хотя вершителями судеб и русских, и других народов в пределах Российской империи, организаторами террора над русскими, чеченцами и другими народностями в период власти большевиков являлись очень часто нерусские. Достаточно вспомнить фамилии высших руководителей КПСС и ЧК-НКВД: Сталин, Троцкий, Каменев, Зиновьев, Дзержинский, Каганович, Свердлов, фамилии народных комиссаров в правительстве большевиков: земледелия – Протиян, продовольствия – Шлихтер, госконтроля – Ландер, госсобственности – Кауфман, экономики – Луре, религии – Спицберг, прессы – Моисей Володарский, организаторов выселения чеченцев и других народов – Берия, Кобулов, Гвишиани, организаторы террора в Крыму – Бела Кун и Розалия Залкинд (Землячка) и многие, многие другие. Ни один из них не является этническим русским. Отрядами наёмников из числа китайцев, латышей, венгров, других наций эти люди осуществляли невиданный до тех пор террор над русским и другими народами бывшей Российской империи в центральной России, на Украине, над казаками Дона и Терека, в Закавказье и Средней Азии. Но, повторюсь, хотя вершителями, организаторами этих кровавых преступлений в своём абсолютном большинстве были нерусские, в сознании инородцев они представляли власть – русскую. Такое восприятие происходящих событий, конечно, не могло не отразиться на общем фоне межнациональных отношений.

Но в целом представители всех народов инстинктивно чувствовали и осознавали, что кровавые эпизоды их взаимоотношений обусловлены не взаимной ненавистью, а политикой руководящих верхов. И именно эта политика и её носители определяли характер отношений между чеченским и русским и другими народами. Эту агрессивную политику репрессивных органов России знали в основном чеченцы. Ничего не изменилось и после установления в регионе власти Советов, за установление которой чеченцы и ингуши немало крови пролили в боях против казачьих формирований Бичераховых, армии Деникина. Можно не описывать события, предшествовавшие Второй мировой войне, они известны тотальными репрессиями партийно-чекистских органов против абсолютного большинства населения страны и актами геноцида против отдельных народов, в том числе и против чеченского народа. С большим воодушевлением, с большими надеждами встретили репрессированные народы известие о возможности возвращения на Родину и восстановления своих автономий. Но встречали их там крайне недоброжелательно. Обосновавшееся на территории Чечни пришлое русское, дагестанское, осетинское население, местные государственные и партийные аппараты восприняли возвращение чеченцев и ингушей крайне враждебно. В 1957—1958 гг. и местное население, особенно русское население городов Грозный, Гудермес, Малгобек, и руководители хозяйств и советских и партийных органов всячески пытались воспрепятствовать процессу возвраще-

ния депортированных. В августе 1958 года в Грозном начались античеченские, хорошо организованные выступления. Толпа захватила обком КПСС и устроила погром. Только ввод в город войсковых подразделений по приказу из Москвы успокоил бесчинствующих. Но на этом всё не завершилось. Оказывается, горные районы (Веденский, Ножай-Юртовский) руководство страны намерено было оставить в составе Дагестанской АССР, часть Советского (Шатойского) района – в составе Грузии, а территорию Пригородного района – в составе Северо-Осетинской АССР, и возвратившееся население туда пытались не допустить. Я помню, как, кажется, в конце октября 1958 года нашу семью, возвращающуюся из Казахстана, остановили перед шлагбаумом у села Беной-Юрт Веденского района и не пропускали далее, утверждая, что для жителей района выделены земли за Тереком. По настоянию отца наша машина спустилась к речке, и, не слушая милиционеров, по руслу реки мы объехали блокпост и поехали в своё село Эшилхатой, к тому времени переименованное аварцами в Зиберхали. Горные районы на территории Чечни население фактически захватили само, и дагестанское население просто вынуждено было оттуда ретироваться, и они были возвращены в состав Чечни. Пригородный район Ингушетии до сих пор захвачен осетинами, а чеченский Ауховский район в составе Дагестана всё ещё не восстановлен, хотя дагестанское руководство на словах и не отказывается от таких намерений. Депортанты были вынуждены выкупать собственные дома или строиться заново в плоскостных районах, так как во многие селения и хутора в горной зоне, где они проживали до выселения, для проживания они не пропускались, а заселившихся выселяли, разрушая даже уже построенные дома. На работу принимались только на самую малоквалифицированную. Люди, которые в Казахстане, в Средней Азии трудились на шахтах, стройках, механизаторами в сельскохозяйственном производстве, которые в голоде, холоде, перед лицом многочисленных смертей, в лагерях ГУЛАГа сохранили чувство собственного достоинства, заставили уважать себя там, где находились, вдруг у себя на родине оказались ненужными, людьми второго сорта. В городах их вообще не прописывали. Основное население осело в сельской местности. Если в целом по Союзу сокращение численности занятых в сельскохозяйственном производстве в связи с преобразованием технической базы приводило и к сокращению сельского населения, то в Чечено-Ингушетии этого не наблюдалось. Так, в 1977 году в стране численность сельского населения составляла 39%, численность занятых в сельскохозяйственном производстве – 24%. В Чечено-Ингушетии сельское население в тот же период составляло 56,5%. В настоящее время – в 2010 году – численность сельского населения составляет 65,7%. Такое преобладание сельского населения над городским в настоящее время связано с тем, что во время последних войн на территории Чечни вся промышленность республики была полностью уничтожена. Но тогда, во время возвращения чеченцев и ингушей, и после город Грозный являлся одним из крупных во всём Советском Союзе промышленным и научным центром. Работали гиганты промышленности – завод «Красный молот», нефтеперерабатывающие заводы им. Ленина, Шерипова, Новогрозненский, нефтехимкомбинат им. Анисимова, объединение «Грознефть», научно-исследовательские институты нефтяной и химической промышленности с мощной производственной базой. Кстати, все эти заводы и предприятия после первой военной кампании сохранились – просто их не бомбили. Все они были уничтожены во время второй – путинской войны, а вместе с ними и все здания государственного университета, нефтяного института и прочее. Но в то время, о котором идёт речь – 70-80-е гг., – чеченцев на эти предприятия не принимали, хотя потребность в кадрах была высокая. Социологические опросы, проведённые в те годы на заводе «Красный молот» и на Грозненском химическом комбинате, показали, как складывались эти коллективы: 55% – русскоязычные жители Грозного, 5—7% – из сёл республики, остальные – приезжие из других регионов. Причём на обоих предприятиях работали 4,3% и 3,7% чеченцев и 0,4% и 0,5% ингушей. Вопросам подготовки национальных кадров внимания не уделялось почти никакого. Например, в технических училищах №1 и №2, готовящих младших специалистов для предприятий объединения

«Грознефтеоргсинтез», в 1977 году из 1419 учащихся обоих училищ чеченцев было 280 человек, ингушей – 33. В одном из популярных учебных заведений республики, Грозненском нефтяном техникуме, в то же время из общего числа выпускников в количестве 262 человек было только 20 чеченцев и 8 ингушей. Причём среди учащихся и студентов чеченской и ингушской национальности даже в технических учебных заведениях преобладали девушки. Объясняется это тем, что мужское население, которое не могло трудоустроиться на месте, массово выезжало на заработки туда, куда Сталин и его опричники совсем недавно высылали насильно – в Казахстан, в другие регионы. Небольшое сельскохозяйственное производство не могло их трудоустроить. Их презрительно называли «шабашниками». Это было очень пагубное явление. Оно очень негативно сказывалось на семейных отношениях, семьи рушились, прерывались родственные, духовные, культурные связи между людьми и поколениями. Молодёжь не получала должного образования. Это видно из следующих данных: в учебный период 1980—1981 гг. из общего числа студентов высших учебных заведений республики в количестве 12 184 человек чеченцы составляли только 6040 человек. В средних специальных учебных заведениях соотношение было следующим: всего учащихся – 14 237 человек, из них чеченцев – 5970. С учётом того, что численность чеченцев в республике не менее чем в полтора раза превышала другое население, цифры эти, конечно, явно неудовлетворительные. Соответственно, таковым было и соотношение в республике специалистов с высшим и средним специальным образованием. В 1960 году из общего числа специалистов с высшим и средним специальным образованием в 25 500 человек чеченцы и ингуши составляли соответственно 800 и 500 человек, то есть 3% и 2%. В 1980 году эти же данные составляли 23% чеченцев и 6% – ингушей. За двадцать лет произошёл некоторый рост специалистов. Объясняется это тем, что большинство студентов вузов и учащихся средних специальных учебных заведений из числа чеченцев и ингушей учились на филологических факультетах Чечено-Ингушского государственного университета, Педагогического института и Грозненского и Гудермесского педагогических училищ. И, как уже выше упоминалось, большинство составляли женщины. Все данные взяты из книги «60 лет Чечено-Ингушской АССР». Но, как ни парадоксально, не физические страдания, не ущемление материальных интересов, не преследования религиозных деятелей послужили фактором, способствующим началу мощного демократического движения в Чечне, хотя, конечно, они аккумулировали готовое взорваться недовольство. Невыносимым для всего народа, особенно для его образованной части, стало широкомасштабное наступление на нравственные, духовные, культурные устои народа, развернувшееся в республике после возвращения на свою родину. Свадебные обряды по национальным обычаям, заключение браков и похороны по обрядам шариата, форма одежды в соответствии со своими видениями пристойности – всё было заклеймено как пережитки прошлого. Поощрялись межнациональные браки, так называемые «комсомольские свадьбы», где жених и невеста восседали за одним столом и происходило распитие спиртных напитков. Всё это было категорически недопустимо по чеченским обычаям. Эти свадьбы, очень редкие, демонстрировались по телевидению. Чеченский язык фактически был под запретом, представители русскоязычного населения бесцеремонно могли одёрнуть говорящих на своём языке окриком «Говори по-русски». Все, абсолютно все знатоки Корана и люди, отбывавшие в своё время сроки в лагерях не за уголовные статьи, находились на учёте в КГБ, а также под надзором в органах МВД.

Помнится, в газете «Колхозная жизнь» Веденского района появилась статья под заголовком «Почему я порвал с религией». В качестве автора стояла фамилия известного во всей республике и на Северном Кавказе учёного-арабиста, уже отсидевшего в сталинских лагерях десять лет и испытавшего тяготы жизни в депортации. Многие его ученики в настоящее время известные религиозные деятели. Все знали, что он не мог написать такую статью, тем более что русским языком он владел очень плохо. Его заставили поставить под написанным свою фамилию. Время было такое. Факты из истории чеченцев замалчивались, события искажались.

И в начале 80-х на свет появилась та самая пресловутая концепция о якобы добровольном присоединении Чечено-Ингушетии к России, к России, которую Ленин в своё время охарактеризовал как «тюрьму народов» и каковой её всё время знали чеченцы. Да, «есть Россия и – Россия». Россия великого многострадального народа. Россия великих мыслителей, поэтов, художников слова и кисти. Наше поколение с глубокой благодарностью вспоминает своих русских учителей, которые по распределению приезжали в самые отдалённые сёла горных районов нашей и других республик Кавказа. С таким же чувством глубокой благодарности я цитирую в этой работе высказывания российских журналистов, общественных, политических деятелей, которые своими словами и действиями выступали против ведения войны на территории Чечни, осуждали политику войны.

Но, к сожалению, не эта Россия определяла характер российско-чеченских отношений.

3. Опыты строительства чеченского государства

Введение

«Военные действия в Чечне со всей убедительностью показали, что чеченское движение за независимость – не конъюнктурное постсоветское явление, а продолжение длительной политической тенденции…

Движение чеченского этноса к государству началось не сегодня и не вчера».

Ян Чеснов, «Россия и Чечня»

Пункт о необходимости ликвидации государства как аппарата осуществления насилия одной, привилегированной частью населения над другой, был, наверное, одним из лучших в программе ВКП (б) (партии большевиков). На практике продекларированная как временная диктатура пролетариата, призванная, по их заявлениям, преобразовать государство из аппарата насилия в форму самоуправления закончилась «красным террором» в годы гражданской войны, кровавой диктатурой ЧК-НКВД-КГБ в годы «строительства социализма», крахом их политического и социального эксперимента – крушением СССР и, опять-таки, усилением роли государства и его репрессивных органов, обеспечивающих и защищающих интересы кучки собственников, захвативших все богатства страны. Процесс приватизации национальных богатств страны в ходе развала тоталитарного партийно-кагебистского режима оказался, опять-таки, в руках бывших партийно-номенклатурных руководителей и репрессивных органов бывших властных структур. Скупая за бесценок у населения бумажки, именуемые ваучерами, лица, установившие связи с международными финансово-олигархическими группировками, прибрали к рукам абсолютное большинство отраслей страны, а вместе с ними и целые регионы, вся жизнь которых – инфраструктура, социальные объекты – держалась на мощных отраслях, использующих сырьевые ресурсы – нефть, газ, драгметаллы и другие. Эта небольшая прослойка населения стала определять всю внешнюю и внутреннюю политику страны, как это было и с самого начала большевистского переворота в 1917 году. К данному процессу подключилась и национальная «элита» союзных и автономных республик СССР. Начался парад суверенитетов, кончившийся распадом СССР, борьбой за передел собственности в Российской, уже суверенной, «федерации», кровавым эпизодом которой и была война на территории Чечни. События в Чечне были прежде всего составной частью процесса формирования новых форм собственности в стране, составной частью борьбы складывающихся политико-олигархических группировок за власть, а следовательно, и за собственность, за богатые сырьевые ресурсы страны. Процесс этот совпал с активизировавшимся извечным желанием чеченского народа жить в рамках собственного национального государства. Вот это желание реализовать своё естественное, в документах ООН, в законах СССР того периода, в Декларации о государственном суверенитете самой Российской Федерации закреплённое право на самоопределение народа было использовано силами, рвущимися к власти в Чечне, и стремящимися утвердиться у власти силами в России для реализации своих целей. Независимо от целей и мотивов тех, кто развязал эту войну-бойню, чеченский народ воевал за свою свободу и независимость, за свою честь и достоинство. Не чеченское государство. Государства как такового фактически не было. Его было необходимо построить. После вывода российских войск с территории Чечни в конце 1996 года, что было вызвано вовсе не тем, что российская армия не могла продолжать войну, а сложившимися внутрироссийскими политическими раскладками, чеченские

командиры начали делить власть в ещё не существующем государстве. Чеченская же интеллигенция на многочисленных конференциях, на страницах печатных изданий развернула дискуссию о том, какое государство надо построить и какая историческая база для него может быть основой. В исторических исследованиях чеченских, российских, зарубежных авторов уже существовали различные версии, согласно которым чеченский (или проточеченский) народ уже в древности в междуречье Тигра и Евфрата, на Ближнем Востоке, в Закавказье, а в Средневековье – и на территории современной локализации имел различные формы государственных образований. Исследователи – историки данного вопроса отмечают несколько государственных образований в регионе в период, предшествовавший нашествию монголо-татарских войск. Это Алания, Серир, Симсир, в образовании и функционировании которых участвовали вайнахи. Лично автор склонен рассматривать их более как союзы племён, чем как государственные образования. Да и историки не единодушны в этом вопросе. Мнения высказываются различные, порою прямо противоположные. Например, в своей работе «Чеченский тейп: мифы и реалии» автор Леча Ильясов пишет: *«Государственный опыт чеченцев не ограничивался тейпово-тукхумной организацией. Чеченцы до нашествия Тимура имели различные государственные образования монархической формы правления. Правовой основой таких организаций были адаты»* (журнал «Вестник ЛАМ», №16). В статье «Какое государство строят чеченцы» в газете «Чеченец», №№4—5, автор Альберт Мачигов пишет: «*Сказки о глубочайших традициях государственности, присущих вайнахам, – миф*». Как видим, мнения разные. Автор же этих строк не считает нужным останавливаться на разборе и анализе этих всяких версий. Тем более что это ему далеко не под силу. По-моему, должно быть очевидным, что все ныне существующие народности в своё время могли быть участниками различных форм общественных и государственных образований, в том числе и в различных частях света, так как все народы были подвержены перемещениям, процессам миграции, ассимиляции. В данной же работе рассматривается вопрос о попытках современных чеченцев образовать национальное государство на современной территории. И история этого процесса имеет своё документальное подтверждение как история отношений с Российским государством и ближайшими соседними народами. Влияние этих отношений на опыты строительства чеченской государственности, на всё ещё находящийся в стадии развития процесс формирования вайнахской нации имеет решающее значение. По исследованиям историков чеченских, российских, грузинских и других народов, современные вайнахи ещё до начала нашей эры местом локализации имели территории по обеим сторонам главного Кавказского хребта и степи Предкавказья. Так называемое Дикое поле, степи между реками Терек, Дон и Волга, где волнами прокатывались орды кочевников – киммерийцы, скифы, сарматы, гунны, хазары, было также и ареалом расселения и интересов кавказских племён, в том числе и чеченцев. Кстати, слово «сармат» (ц1армат) на чеченском означает неприглядного, неряшливого вида человека. Не исключено, что первое знакомство чеченцев со славянами произошло уже во времена походов древнерусского князя Святослава на союз кочевых и кавказских племён под собирательным наименованием «Хазария». Слово «Хазария» (Хаз аре) на чеченском языке дословно означает «красивая степь». Но документально подтверждённые более тесные отношения кавказских народов, в том числе и чеченцев, с русскими и с русским государством имеют начало со второй половины XVI века. Захватнические устремления царизма того периода на Кавказе и в Поволжье известными историками от политики именовались «активизацией внешней политики». Апологеты «концепции» о якобы добровольном присоединении Чечено-Ингушетии к России восторженно описывают эту «активизацию»: «*Залпы русских пушек под стенами Казани возвестили миру, что русский народ активно вступает в полосу борьбы за перспективы развития своего государства. А после того как в 1552 и 1556 годах ликвидировали Казанское и Астраханское ханства, присоединив их к Руси, начался период установления непосредственных и тесных связей с народами Северного Кавказа*» (В. Виноградов, «Навеки вместе», стр. 15). Здесь и далее эти и многие дру-

гие авторы, исследователи истории российско-кавказских отношений постоянно и намеренно пытаются проводить линию отождествления русского государства и русского народа. Об этом свидетельствуют процитированные выше слова «*русский народ активно вступает в полосу борьбы за перспективы развития своего государства*». При чём тут русский народ? Как раз русские люди и бежали от русского государства на Кавказ. Нас же в этом абзаце интересует обозначенное время начала знакомства чеченцев и других кавказских народов с российским государством. Ко времени «*активизации внешней политики*» русского государства на Северном Кавказе там, в междуречье Сунжи и Терека, уже существовали поселения беглых русских людей и переселенцев из состава донских и волжских казаков. В своей работе «Взаимоотношения чеченцев с соседними народами Кавказа в XVI веке» автор Индерби Бызов пишет: «*Начиная с древнейших времён на Северном Кавказе не стояло земельного вопроса в современном значении этого слова*». Историк и лингвист Якуб Вагапов в книге «Вайнахи и сарматы» тоже отмечает: *«Предки наших народов вели весьма подвижный образ жизни, постоянно перемещаясь в одном и том же регионе из одного в другой». Появление* русских поселенцев, а вслед за ними и русских военных на Северном Кавказе совпало с периодом возвращения чеченцев на свои территории, покинутые ими в периоды монголо-татарских и тамерлановских нашествий. В периодизации российско-чеченских отношений этот период можно характеризовать как добрососедский. Гребенцы встретили на Тереке и Сунже свободную вольную жизнь, подружились и породнились с местным населением. Как пишет в своей книге «Казаки» Л. Н. Толстой, «*предки нынешних гребенцов… бежали из России и поселились за Тереком между чеченцами на Гребне, первом хребте между гор большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычаи*, *образ жизни и нравы горцев».* Однако всё изменилось, когда за беглыми русскими устремилось Российское государство, которое зачислило их в служивое казачество и начало раздавать им земли, себе не принадлежащие, использовать казаков в целях колонизации территорий ни от кого не зависящих горских обществ. На Терек начали переселять население из внутренних губерний России, которое зачислялось в казачество. Началось строительство военных укреплений, станиц. В 1567 году было устроено военное укрепление Терки на левом берегу Терека. Генерал-майор В. А. Потто в своей книге «Два века Терского казачества» писал: «*С 1586 года считается начало существования терского казачьего войска, как сословие служилое, которое подобно другим казачьим войскам составило передовой форпост русского государства*». Другие исследователи начало Терского казачьего войска относят к 1577—1578 гг., когда терским воеводой Лукьяном Новосильцевым был возобновлён острог Терки. С начавшимся процессом колонизации края, конечно, смириться чеченцы не могли. Казаки были вытеснены на левый берег Терека, которая на долгие годы стала рекой приграничной, хотя, повторюсь, ареал расселения чеченцев с древнейших времён распространялся далеко на север от Терека и от Дарьяльского ущелья на западе до Каспия на востоке. На Тереке схлестнулись не только два миграционных потока, но и интересы требующего жизненного пространства чеченского населения и интересы российской государственной экспансионистской политики. Экспансионистская политика русского государства требовала свободного прохода в Закавказье, особенно после принятия в 1587 году русского подданства кахетинским царём Александром II. Проходы и через Дарьяльское, и через Аргунское ущелья пролегали по вайнахским территориям. Проходы по Прикаспию контролировались проиранski настроенными дагестанскими владельцами. Установление сотрудничества с вольными вайнахскими обществами стало необходимостью. Чеченские общества были в состоянии обеспечить проходы в Закавказье. В 1588 году в сопровождении отряда во главе с Ших-мурзой Окоцким (Аккинским) первое московское посольство было сопровождено в Грузию. В том же году в Москву прибыло первое чеченское посольство, а сам Ших-мурза был принят в российское подданство с установлением жалованья. Наверное, этот самый факт послужил поводом к тому, что в 2008 году в Чечне различными мероприятиями отметили 420-летие уста-

новления дружественных отношений с Россией. Сам эпизод поступления одного члена одного из многочисленных чеченских обществ на службу российскому государю, конечно, не может рассматриваться как определяющий характер отношений между чеченцами и Российским государством. Но период этот характеризуется мирными, союзническими, взаимовыгодными отношениями. Известный историк, исследователь истории российско-чеченских отношений Я. Ахмадов пишет: «*В конкретных условиях XVI века отношения чеченских князей и союзов аулов (землиц) с русскими царями носили объективно „союзнический" характер». Однако* на Тереке схлестнулись интересы не только российской власти и горских племён. Массовое возвращение на равнину чеченцев, которые образовали целые слободы у укрепления Терки, в городке Кизляр, компактные поселения в Эндери, свои общины в притеречных и прикаспийских степях затрагивало интересы кумыкских, дагестанских, кабардинских владельцев, которые в своих стремлениях остановить чеченскую миграцию, а также с целью брать с них дань, стали апеллировать к российским военачальникам и воеводам, принимать российское подданство и за регулярное жалованье и поддержку их земельных и феодальных интересов становились проводниками колониальной политики царизма. Активная деятельность Ших-мурзы, который тоже принял российское подданство и поступил на службу, немало встревожила этих владельцев. В своей челобитной русскому царю Ивану IV, отправленной с чеченской делегацией, Ших-мурза, кроме принятия его на службу, просил и прислать войско для усмирения непокорного населения. В своей статье «Взаимоотношения чеченцев с соседними народами Кавказа в XVI веке» («Объединённая газета», №21, 2005 год) автор Индерби Бызов пишет: «*Ших-мурза, оказывающий услуги русскому царю, оказывается в неприязни у чеченцев и аварцев».* Так что ясно, что речь здесь идёт о вступлении в подданство, а точнее на службу, отдельного, хотя и влиятельного лица, но никак не какого-то чеченского общества, а тем более народа, а какая-то часть населения была им недовольна. Недовольными могли быть и указанные выше владельцы. В параллельной челобитной терских атаманов пишется: *«Ших-мурзе от шевкальских и горских людей теснота великая, что они преследуют его по всей дороге и хотят его убить, так что прожить ему в Ококах невозможно и приходится ехать в Астрахань»* (В. А. Потто, «Два века терского казачества»). В 1596 году Ших-мурза был убит кумыкским князем Ахмат-ханом. Так как у чеченцев князей и ханов не было, русские воеводы с целью создания в их среде сословия владельцев, с которыми можно было бы договариваться, стали ставить над ними князей из числа кабардинских, кумыкских, аварских владельцев, перешедших на их сторону. В 1614 году по грамоте царя Михаила Фёдоровича князем над чеченцами-ауховцами и кабардинцами Окоцкой и Черкасской слобод Терского городка был утверждён Сунчалей Черкасский. В начале XVIII века князьями в сёлах Большой Чечень, Атаги, Шали, Герменчук, Брагуны утверждаются кумыкские, кабардинские, аварские владельцы – Айдемировы, Черкасские, Казбулатовы, Турловы и другие. Чеченцы до поры мирятся с этим явлением. Мирились, пока эти князья исправно выполняли организационно-управленческие функции, которых только от них и ждали. Имелись случаи, когда некоторые общества даже приглашали на княжение представителей знати других народов для осуществления этих организационно-управленческих функций. Делалось это с целью недопущения возвышения в своей демократической среде отдельных тейпов или личностей. Так был, например, в 1748 году приглашён на княжение в Герменчук представитель кабардинских князей Черкасских Девлет-Гирей. Но как только эти «князья» переступали черту и начинали мнить себя хозяевами земли и вольных общинников, их изгоняли. А иногда, при оказании сопротивления, и убивали. Так, в 1773 году был убит бежавший из Герменчука на Терек князь Девлет-Гирей. Историк Ш. Б. Ахмадов в своей работе «К вопросу о классовой борьбе в Чечне в XVIII веке» пишет: «*Ни в одном из уголков Северного Кавказа феодалы не чувствовали такой неуверенности своего положения, боязни перед подвластными крестьянами, как в Чечне. В переписке с царскими властями князья и владельцы (обычно инородцы) постоянно подчёркивали своё бессилие удержать в повинности гор-*

цев и просили помощи в борьбе с восставшими крестьянами». И такая «помощь» всегда оказывалась. Все антифеодальные восстания чеченцев против кабардинских, кумыкских, аварских владельцев, желавших установить власть над чеченцами, всегда подавлялись силой русской армии и русского казачества. Так было в 1747, 1757—1758, 1774, 1783 гг. С этого года, когда чеченцы поняли, что никакие договорённости и присяги с русскими не действуют, их антифеодальные выступления приобрели характер антиколониальной войны, войны против русских колонизаторов, ярким примером которой стала антиколониальная война горцев Северного Кавказа под руководством чеченского предводителя шейха Мансура (Ушурмы) в период с 1785 по 1791 гг. Хотя война под предводительством шейха Мансура и велась под религиозными лозунгами, по своей сути она являлась антиколониальной. Все походы русских войск, в составе которых часто бывали подразделения калмыков, иногда – аварцев, кабардинцев, кумыков и всегда – казаков, сопровождались не просто истреблением аулов, людей, уничтожением посевов зерна, угоном скота, но и заключением различных договоров, принесением присяги оставшимися в живых и взятием заложников. Практика зачисток и договоров, использованная российскими войсками в войне 1994—2004 гг., имеет свои вековые истоки в те ещё года. В то время в результате многочисленных военных столкновений и длительных переговоров представителями отдельных чеченских аулов – старейшинами, баьччами, князьями – оформлялись с царской администрацией различные документы, которые самими горцами рассматривались как договоры о ненападении и которые современные российские и некоторые чеченские историки и политики пытаются представить как присяги на принятие подданства.

3.1. Договоры, присяги, прокламации, референдум

«Приведя к окончанию Сунженскую линию, предложу я живущим между Сунжею и Тереком злодеям, мирными именующимися, правила для жизни и некоторые повинности, кои истолкуют им, что они подданные его Императорского величества, а не союзники, как они до сих пор мечтают», писал генерал Ермолов в письме царю Александру I «О мерах покорения горцев Кавказа» от 28 мая 1818 года.

Из письма следует, что чеченцы, которых изверг Ермолов называет всегда только «злодеями», «разбойниками», свои отношения с российскими военными всегда предпочитали иметь как союзно-договорные. Утвердившиеся с помощью российских военных в предгорной зоне кумыкские, кабардинские, аварские князья, ханы, мурзы, а также и отдельные чеченские старейшины и баьччи (руководители чеченских военных ополчений) подписывали эти документы от имени отдельных чеченских обществ по тактическим соображениям. Первые (князья, ханы и т. п.) стремились с помощью российских властей удержать в повиновении чеченцев. Вторые (чеченские старейшины) надеялись получить преференции в выселении на равнинные земли, уже занятые степными народами и казаками, а также установить торгово-экономические отношения с соседями. Народ же всегда был поставлен перед выбором – смерть или присяга-договор. Это во-первых. Во-вторых, со стороны чеченцев эти договоры-присяги были объективным выражением желания чеченцев жить в мире и союзе с соседними народами и, конечно, с русскими. Но сама имперская сущность российского государства не предполагала возможности таких отношений. Уже после начала масштабной Кавказской войны царь Николай I в своём письме генерал-фельдмаршалу Паскевичу от 25 сентября 1829 года писал: «*Предстоит Вам… усмирение навсегда горских народов или истребление непокорных».* Желательные для чеченцев отношения политического, экономического и военного союза и добрососедства Россия (царская, советская и современная, якобы демократическая) видела и видит только как отношения безусловного обезличенного гражданства в унитарном государстве. «*Слепое повиновение и полное бесправие – вот идеал „гражданина" Российской империи»* («Навеки вместе», стр. 75). И те многочисленные акты (присяги, клятвы, договоры), которые подписывались под дулами пушек и которые по мысли российских политиков и военных должны были служить юридическим оформлением навязываемых чеченцам отношений подданства, самими чеченцами рассматривались только как установление союзно-договорных отношений и средство предотвращения уничтожения сёл и населения. Да и подписывались они в большинстве случаев тогда, когда сёла уже были подвергнуты карательным акциям. И было этих присяг, клятв и различных заверений со стороны российских военных огромное количество. Каждый поход российских войск сопровождался или подписанием бумаг с каким-нибудь селом, или уничтожением села вместе с жителями, а чаще всего – и уничтожением села, и подписанием документов, и взятием в заложники оставшихся в живых. В первом томе «Очерков истории ЧИАССР» историком Н. А. Тавакаляном дана исчерпывающая характеристика этим документам. Он подчёркивает, что эти документы отражают концепцию их составителей – представителей царских властей и местных социальных верхов – и всё-таки – «*тенденцию объективного развития исторических событий и обусловленных ими настроений народа, желавшего жить в мире и дружбе с соседними народами, горцами, русскими переселенцами и казаками, пользуясь защитой могущественной России*». Далее Тавакалян пишет: *«…Из этих наивно-монархических документов ни в коем случае нельзя делать вывод, что чеченцы и ингуши, как и остальные нерусские народы, добровольно принимали самодержавно-крепостнические порядки и деспотическую власть царизма, давая обещание пассивно-примиренчески терпеть его гнёт»* (указ. соч., стр. 90). А вывод такой уже в советское время, лет через десять после выхода данной книги, был сделан. И не столько историками, сколько политиканствующими партийными функционерами.

Как пишет в своей книге «Мир чеченцев» историк Зарема Ибрагимова, *«Было время, когда тот или иной народ историки с лёгкостью объявляли добровольно вступившим в российское подданство на основании первого же соглашения, договора местной знати с Москвой или же с провинциальным российским начальством».* В 1982 году в Чечено-Ингушетии помпезно отпраздновали два события – 60-летие образования республики и 200-летие якобы добровольного присоединения чеченцев и ингушей к России. Обоснованием исчисления 200-летия послужила дата 21 января 1781 года, когда под угрозой покарания старейшинами Чечен-Аула и Аджи-Аула в Кизляре при содействии князя кумыка Арсланбека Айдемирова была зачитана очередная присяга, написанная на кумыкском языке и отражающая интересы вышеуказанных социальных верхов и царской администрации. Перед этим, в том же 1781 году, комендант Кизляра Куроедов рапортует о донесении князей Алибека Нумаматова, Алисолтана Алибекова, Арсланбека Айдемирова (все не чеченцы) о непокорности чеченцев. Из данной присяги:

«Просим в преступлениях своих прощения и пощады… раскаиваясь в своём преступлении, прибегаем под покровительство… владельцев наших почитать и во всём им повиноваться… разбираться во всём по древним кумыкским обычаям… состоять нам во всех правилах кумыкских… в прошлом 1779 году взятых в плен из Калининской станицы мужского и женского пола всех нам представить в Кизляр… Ежели же будут наши холопы магометанского закона бежать и являться в российских границах, оных нам отдавать обратно» (цитаты по книге «Навеки вместе», Грозный, 1980 год).

Ни Чечнёй, ни присоединением, ни тем более добровольностью тут и не пахнет. Напротив, даже составителями документа признаётся наличие *«российских границ»*. В работе «Актуальные проблемы истории Чечни в XVI – XIX веках» историк Ш. А. Гапуров пишет:

«Представляется, что ни российско-карабулакское соглашение 1762 года, ни российско-ингушский акт 1770 года, ни российско-чеченский документ 1781 года не означали официального присоединения этих народов к империи. И Россия, и горская сторона заключали эти соглашения по тактическим соображениям».

Тем более что эти различные договоры, присяги, заключаемые в принудительном порядке различными отдельными сёлами или обществами, не имели силы и значения для других сёл и обществ. Основные горные чеченские общества, сёла, тейпы никогда никаких договоров ни с российской стороной, ни с кем-нибудь ещё не заключали. Так что обвинения чеченцев в сепаратизме от современных российских и некоторых чеченских политиков, обвинения в попытке развалить какое-то общее государство, в попытке «выхода» из состава российского государства абсолютно беспочвенны. Невозможно выйти оттуда, куда не входили. Но можно и необходимо освободиться от насильственно навязанных пут, чего чеченцы всегда веками стремятся добиться, терпя огромные жертвы. О том, что эти различные договоры были чеченцам, с одной стороны, принудительно навязаны, а с другой стороны, самими чеченцами рассматривались только как акты заключения союзно-договорных отношений и попытки уберечься от истребления силой, намного превосходящей и по количеству войск, и по качеству оружия, свидетельствуют сами обстоятельства, в которых они заключались. Обращение к той же книге В. А. Потто «Два века Терского казачества» и к его же пятитомнику «Кавказская война», а также к другим источникам выявляют эти обстоятельства.

Например, такое описание: 1723 год, поход Петра I на Кавказ. *«Единственно чеченцы оказывают сопротивление. Дело уладили кумыки, дав присягу, включив в неё и чеченцев»* (В. А. Потто. «Два века Терского казачества»).

1757—1760 гг. Чеченцы изгоняют пришлых феодалов, поддерживаемых царизмом. В частности, изгнан кабардинский князь Девлет-Гирей, обосновавшийся на герменчукских землях. Отряд Фрауендорфа совершает походы в Чечню. *«…В сем походе побито чеченцев 200 человек, жилища выжжены, посеянные при оных хлеба вытоптаны, в добычу получено много скота. В результате переговоров дана присяга и выданы аманаты»*. Далее приводятся

слова из донесения Фрауендорфа: *«Чеченцы в покорность не пришли»* (указ. соч.). Обратим внимание: сперва – поход со всеми присущими этим походам последствиями, потом – присяга, и всё-таки – *«в покорность не пришли»*.

1762 год. Дали присягу и выдали аманаты карабулаки (аьрштхой), многочисленное и сильное чеченское племя. Из речи А. Шерипова на Третьем съезде народов Терека в 1919 году: *«Уничтожение горцев было так сильно, что исчезали целые племена. Я укажу на сильное племя карабулаков, которое было расположено на месте нынешней Сунженской линии. Теперь об этом племени напоминает только название станицы Карабулак»* (А. Шерипов, «Статьи и речи». Речь на III съезде народов Терека в 1919 году).

1770 год. Чеченцы два раза захватывают Кизляр. Генерал-майор Медем организует походы в Чечню. От некоторых сёл приняты присяги, взяты аманаты.

1773 год. Чечня полностью очищена от князей. Убит бежавший в 1760 году на Терек князь Девлет-Гирей. Поход в Чечню войск генерал-поручика Якоби, с известными последствиями.

1783 год, март. Военный поход в Чечню генерал-поручика Потёмкина. Штурмом взят аул Атаги. *«…Четыреста тел, покинутых на поле сражения, остались в наших руках, и атагинцы вынуждены были выкупить их ценою свободы: они присягнули на подданство и дали аманатов»* (Потто, «Два века Терского казачества»). Вот она, цена присяги.

1783 год, октябрь. *«Чечня восстала поголовно. Потёмкин и князь Самойлов двинулись в Чечню. Над Чечнёю стояло сплошное зарево пожара. Отряд взял аманатов и возвратился на линию… Целый год прошёл после этого спокойно, но это, как мы увидим, было затишьем перед бурей, разразившейся над Северным Кавказом»* (указ. соч.).

Бурей этой была начавшаяся через год война под руководством первого имама Кавказа Ушурмы (Шейха Мансура), чеченского предводителя и религиозного проповедника из Алдов, которая охватила весь Северный Кавказ, объединила в борьбе против колонизаторской России все племена региона и продолжалась вплоть до 1791 года, когда раненый Ушурма попал в плен при защите крепости Анапа. После назначения генерала Ермолова командующим Кавказской армией и наместником, сосредоточившим в своих руках всю военную, административную и судебную власть, кордонная (граничная) линия переносится с Терека на Сунжу. Чеченцы создают осадное положение для всех гарнизонов, укреплений царских войск, казачьих бастионов и станиц, которое продолжалось до 1918 года, когда гарнизон последней на территории Чечни крепости Ведено был чеченцами в целости и сохранности выведен из края. Сообщение между гарнизонами, укреплениями, населёнными пунктами производилось и по настоящий день российскими военными и представителями властных структур всех уровней по территории Чечни производится только в составе и в сопровождении военных колонн или охраны. Власть в Чечне – и российская и якобы «чеченская», построенная по российскому типу – носила и носит номинальный характер. Поддерживалась и поддерживается исключительно военной силой. Практика принуждения к подписанию различных документов под угрозой применения силы или в результате применения насилия, выработанная в отношениях царских властей с горскими народами в XVII – XIX веках, широко применялась российскими войсками и властями с начала очередной русско-чеченской войны, начатой в 1994 году. Как известно, президент России Б. Ельцин и его окружение начали войну, игнорируя все многочисленные обращения чеченской стороны о начале переговоров. После же, убедившись, что война принимает затяжной и трагический характер, российское руководство после событий в Будённовске пошло на переговоры. 31 июня представителями российского и чеченского командования было подписано соглашение о прекращении огня, разоружении чеченских формирований (соглашение по блоку военных вопросов), выводе войск и проведении выборов – соглашение по блоку политических вопросов. Реализацией этих вопросов с российской стороны занялся командующий объединённой группировкой войск в Чечне генерал-полковник А. А. Романов, который

до этого в апреле этого же года учинил кровавую резню в Самашках. После этих событий представитель российского командования Кошман, а с чеченской официальной, тоже российской стороны Д. Завгаев и А. Осмаев – подписали между собой Договор об общественном согласии. Так вот в ходе войны практиковалось, как и несколько веков ранее, принуждение глав администраций населённых пунктов к подписанию этих самых договоров о мире и согласии. Сёла окружались военными, предъявлялся ультиматум о сдаче определённого количества оружия, техники, денег, о выдаче боевиков – и о подписании договора о мире и согласии. Обычно представители военных через посредников указывали жителям села, где можно купить это самое оружие, получали за них деньги и обратно забирали своё оружие и, подписав «договор», объявляли это село лояльным «действующей» завгаевской, а следовательно, и русской власти. Таким образом были подписаны договоры с сёлами Самашки, Серноводск, Автуры, Курчалой, Гелдаген, Агишты, Новые Атаги, Белгатой, Новогрозненское, Пригородное, Катыр-Юрт и другими. Но заключение данных договоров вовсе не гарантировало того, что эти населённые пункты не подвергнутся кровавым «зачисткам», артиллерийским обстрелам и авианалётам. Напротив, очень часто именно населённые пункты, заключившие эти договоры, и становились объектами экзекуций. Эти сёла и населённые пункты подвергались насилию сперва перед заключением этих договоров, а потом после, под предлогом их нарушения. В своей статье «Новогрозненская, Серноводская, Самашки… Кто на очереди?» (газета «Грозненский рабочий», №10, 1996 год) известный журналист и редактор газеты Лема Турпалов писал, что часто авиационным налётам и артиллерийским обстрелам, а потом и зачисткам с убийствами и похищениями людей подвергались сёла, подписавшие эти самые договоры о мире и согласии, под предлогом нарушения этих самых договоров. *«Так произошло в Новогрозном, где, обвинив местных жителей в срыве договорённостей, войска практически стёрли* с *лица земли село»,* пишет автор. Примерами того, в каких обстоятельствах подписывались эти договоры и что за этим следовало, могут послужить все сёла, подписавшие их.

К примеру, село Самашки. К событиям в этом селе в апреле 1995 года мы ещё вернёмся. В рамках же рассматриваемого вопроса рассмотрим войсковую операцию российских войск в марте 1996 года, связанную именно с подписанием этого самого договора о мире и согласии. Как и годом раньше, село было 15 марта блокировано. Теперь вместо оружия вымогали деньги – миллионы. И – подписание договоров. Жители уже знали, что подписание договоров не только не спасает от зачисток и связанного с ними насилия, но напротив, это влечёт за собой авианалёты, артобстрелы и, опять-таки, зачистки. Но решились подписать договор 15 марта. Но именно в тот день село начали бомбить установки залпового огня «Град», танки, вертолёты. В результате погибли более 100 мирных жителей, разрушено более 75% жилья. Насилие продолжалось до 19 марта. Источник информации – Р. Макуев, газета «Грозненский рабочий», №18, 1996 год.

Далее – село Серноводск. Блокировано 30 сентября 1995 года. Требования – выдать 300 автоматов, как всегда – выдать боевиков, подписать договор. Село находилось в блокаде более пяти месяцев. Было достигнуто обоюдное соглашение о подписании договора 3 марта 1996 года в 10 часов. Но в тот день, нарушив соглашение, российские войска обрушили на село артиллерийские и миномётные снаряды, ракетами обстреливали с вертолётов, применялись комплексы «Град». Войска тремя колоннами вошли в село. В селе, кроме местных жителей, находилось более 10 000 беженцев, размещённых в помещениях курорта. В первые дни зачисток было убито 45 мирных жителей, в их числе 12 мужчин в возрасте старше 55 лет и 17 женщин. 26 октября село было закрыто полностью, в село не запускались даже машины с продовольствием, врачи Международного комитета Красного Креста. Командующий войсками юго-западного направления генерал-майор Н. Артёмов не запустил в село даже группу депутатов Государственной Думы. Договор, конечно, был подписан.

Ещё – Катыр-Юрт. *«Их приговорили к смерти 28 марта 1996 года, в 20 ч. 05 мин., на третий день после подписания трёхстороннего соглашения между федеральной армией и населённым пунктом»,* писала в своей статье журналистка Дагман Муртазалиева, описывая событие бомбардировки селения Катыр-Юрт («Спелая вишня с запахом трупным», газета «Грозненский рабочий» от 31 января 1996 года). В результате авианалёта на это село после подписания этого самого пресловутого «договора» о мире и согласии только в одной семье Хажгириевых погибли девять человек. Хажгириевы не были ни бандитами, ни ополченцами, ни политиками. Обыкновенные мирные люди, мужчины, женщины, дети. Работавшей в Грозном переводчиком в миссии Красного Креста и потому только выжившей Луизе Хажгириевой мы, все, кто её знал, принесли и приносим глубокие соболезнования. Дала гечдойла царна, а хийла-хийла кхечу массарна а.

Далее – Шалажи. Подписали договор 2 апреля 1996 года. Ночью 3 апреля начали бомбить. Список можно продолжить…111

В другом разделе придётся эти и другие сёла ещё раз вспомнить в связи со следующей, путинской кампанией этой войны. Конечно, все эти договоры не могли предотвратить военные действия, потому что в числе подписантов этих договоров не было представителей воюющей Чечни, во-первых, а во-вторых, и цели такой у российской стороны не было. Начало договорного процесса с представителями Дудаева было вынужденным после фиаско российских властей в Будённовске, и потому соглашение о прекращении огня с воюющей стороной российскими войсками, да и чеченцами также, не соблюдалось. А эти «договоры о мире и согласии», подписываемые по принуждению главами администраций со стороной завгаевской и российскими военными, которые фактически власти на территориях не имели, никому не были нужны. Напротив, они мешали стремлению определённых, воинственно настроенных, российских военных втянуть в военные действия как можно больше населения и как можно больше истреблять его. А во-вторых, эти договорённости шли вразрез с желанием Ельцина и его команды к выборам президента России летом 1996 года прийти в ранге победителя. И потому бомбили, зачищали сёла, подписавшие эти договоры, потому что они были беззащитны: там не было чеченских боевиков. Бомбили, взрывали, убивали не только чеченцев. И своих тоже. Командующий объединённой группировкой войск в Чечне того периода генерал-полковник А. А. Романов, который серьёзно взялся за выполнение договорённостей с Дудаевым, был подорван на машине в Грозном прямо под носом у части федеральных войск. Произошло это 6 октября 1995 года. Помнится, летом 1996 года неподалёку от места, где была взорвана машина Романова, у входа в тоннель перед площадью «Минутка» у меня заглохла машина. Часовые стоявшей напротив воинской части не позволили мне даже задрать капот – потребовали немедленно убраться. Пришлось отъезжать на прицепе проезжавшей мимо машины. После из СМИ стало известно, что генерал ехал на встречу с Хасбулатовым для обсуждения вопросов мирного урегулирования. Романов имел постоянные контакты с представителями Дудаева, обсуждая вопросы разрешения с трудом достигнутых соглашений по прекращению военных действий. Не в интересах чеченцев было его взрывать. И место было для чеченских подрывников почти недоступное. В политических и военных российских кругах было много сил, не желающих прекращения войны. Особенно в тот период, когда казалось, что победоносное её завершение так близко.

Не могли эти договоры способствовать прекращению военных действий ещё и потому, что они стояли в ряду тех 200-300-летней давности присяг, договоров, которые подписывались чеченской стороной под дулами пушек, в зареве пожарищ горящих чеченских аулов. В ряд таких договоров, клятв, присяг, подписываемых по принуждению отдельными представителями чеченцев с российским командованием начиная с XVII века, может быть поставлен и референдум от 23 марта 2003 года по Конституции Чеченской Республики, проведённый в условиях ведущейся войны. То обстоятельство, что референдум проводился в условиях

войны, подтверждается тем фактом, что так называемый режим контртеррористической операции на территории Чечни был отменён только 16 апреля 2009 года. Многочисленные заявления российских и чеченских организаторов этого референдума о том, что мир в Чечне наступит только после проведения референдума, конечно, воспринимались замученным ужасами предыдущих лет войны населением как угрозы, а аналитиками международного сообщества – как принуждение. В дни готовящегося этого референдума в Назрани состоялась конференция неправительственных правозащитных организаций по оценке и правомочности этого референдума. Присутствовали журналисты, в том числе и Анна Политковская. Конференция приняла резолюцию из нескольких пунктов. Смысл содержания всей резолюции был в том, что данный референдум будет означать не волеизъявление народа, а изъявление воли народу. Несомненно, референдум способствовал установлению в республике определённого юре-политического пространства, статуса, несомненно, он объективно отражал настроения людей, жаждущих мира. Но сам факт его проведения в период, когда часть населения с оружием в руках воевала и они и их родственники принять участие в референдуме не могли, когда не менее 50% населения республики фактически находились за пределами (были беженцами), хотя и числились прописанными в республике и тоже в референдуме не участвовали, и тот факт, что в референдуме могли принимать участие российские военные части, которые, оказывается, уже были дислоцированы в Чечне на постоянной основе, вряд ли может быть признан юридически корректным. Например, Международная хельсинкская федерация не признала результаты референдума. Также нет ни одной международной организации или страны, заявившей о признании данного «референдума» волеизъявлением чеченского народа. «Референдум» просто отразил приход к власти в Чечне определённой группы, которая после гибели Ахмата Кадырова постепенно воссоздала систему правления, в основе которого лежит понятие о том, что на Кавказе понимают только язык силы и порядок там может быть обеспечен только путём осуществления насилия; понятия, которого в своё время придерживались российские политические и военные деятели времён Потёмкина-Ермолова-Барятинского-Сталина, пагубность которого была доказана всей историей российско-чеченских отношений. Но история нас, видимо, ничему не учит. Исследуя историю российско-чеченских отношений эпохи правления Ермолова, историк Ш. А. Гапуров пишет, что сами российские военные того периода вынуждены были признать, что методы насилия в отношении кавказских народов не приводили к желаемым результатам. И тем не менее, вопреки урокам истории, эти методы взяты на вооружение современными российскими и исполняющими их волю некоторыми чеченскими политиками и военными. В своей работе «Эволюция взглядов А. П. Ермолова» Ш. А. Гапуров пишет: *«С середины 90-х годов XX века, с началом военных действий в Чечне, А. П. Ермолов стал кумиром некоторых военных. Они считали, что с чеченцами надо обращаться „по-Ермоловски“ – жёстко, жестоко и бескомпромиссно».*

Да, российские военные на Кавказе иногда пытались добиться расположения населения Кавказа различными обещаниями, декларируемыми в прокламациях, которые имеют начало ещё со времён деятельности на Кавказе генерала Потёмкина. В 1785 году П. Потёмкин обратился с прокламацией к чеченскому и кумыкскому народам с призывом не поддерживать Шейха Мансура, возглавившего восстание почти всех народов Северного Кавказа против российского владычества. В 1818 году Ермолов в своём обращении потребовал от притеречных чеченцев, «злодеев, мирными именующимися», как он писал, участия в военных операциях против соплеменников. *«Лучше от Терека до Сунжи оставлю пустынные степи, нежели в тылу укреплений наших потерплю разбой»,* писал он в указанном выше своём письме. Однако вскоре ему пришлось убедиться в том, что меры насилия не только не приводят к усмирению края, а встречают всё большее сопротивление. И уже в 1826 году он выступил с прокламацией к чеченскому народу, в которой обещал некоторые послабления в установлении отношений, в том числе в требованиях по выдаче аманатов и их содержании. Прокламацией

к населению Дагестана и Кавказских гор пытался воздействовать на кавказцев в 1830 году и сменивший на посту Ермолова генерал И. Ф. Паскевич. В 1845 году, очередной наместник и командующий кавказской армией, прославившийся «сухарной экспедицией» в Дарго, граф Воронцов выступил с «Прокламацией к горским народам». *«…Религия ваша, шариат, адат, земля ваша, а также всё имущество, приобретённое трудом, будет неприкосновенно вашей собственностью* и останется без всякого изменения», – писалось в данной прокламации. То же самое декларируется в «Прокламации чеченскому народу», сделанной от имени императора Александра II генерал-фельдмаршалом князем Барятинским в 1859 году. Прокламацией гарантировались чеченцам следующие права:

• «свободно исполнять веру отцов ваших; не будут требовать в солдаты и не обратят вас в казаков;

• поставленные над вами правители будут управлять по шариату и адату, а суд и расправу будут отправлять в народных судах, составленных из лучших людей, вами самими избранных и утверждённых начальством;

• права каждого из вас на принадлежащее имущество будут неприкосновенны;

• земли, которыми вы владеете или которыми наделены русским начальством, будут утверждены за вами актами и планами в неотъемлемое владение ваше».

И все эти права и гарантии декларировались в декларации Совета народных комиссаров России «Ко всем трудящимся России и Востока» от 20 ноября (3 декабря) 1917 года, подписанной В. И. Лениным.

Из декларации: *«Мусульмане России, татары Поволжья и Крыма, киргизы и сарты Сибири и Туркестана, турки и татары Закавказья, чеченцы и горцы Кавказа, все те мечети и молельни которых разрушались, верования и обычаи которых попирались царями и угнетателями! Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно. Вы имеете на это право».*

Если бы все эти обещания и декларации выполнялись, никаких войн на Кавказе, наверное, не было. Сама имперская сущность российского государства, великодержавная идея, лежащая в основе этого государства, не допускала никакого разнообразия форм управления, судопроизводства, вероисповедания и даже мышления. Не допускала и не допускает. Это одна из проблем государства, именуемого сегодня «Российская Федерация». Национально-государственные образования, именуемые субъектами современной Российской Федерации, по своим законодательным, социальным, культурным и другим правам далеко не сравнимы со штатами Америки, с «землями» ФРГ, с кантонами Швейцарии. И тем не менее чеченцы в своём внутреннем управлении вплоть до 1925 года были в некоторой степени самостоятельны. Но – вопреки политике российского государства. Мы уже говорили, что власть российская на территории Чечни вплоть до утверждения власти советской носила номинальный характер и распространялась, как писал кавказовед Фадеев, только на тот участок земли, на которой стоял русский солдат. Чеченцы жили по своим внутренним формам управления. В чём они заключались? О горской демократии написано очень много работ. Такая, демократическая, форма управления присуща была не только горцам Кавказа. Древние греческие, римские общества, где вопросы организации решал народ (демос), новгородское вече – всё это примеры самоорганизации, присущие большинству народов на определённой стадии их развития. Чеченское общество сохранило эти формы вплоть до начала контактов с российским, тоже только складывающимся централизованным государством. Не пытаясь делать ссылки на многих известных историков, обществоведов, досконально исследовавших данный присущий большинству народов на определённой стадии развития процесс, форму самоуправления, я охарактеризую его проявление в чеченском обществе словами наших современников. В Грозном в декабре 2002 года, в период продолжающейся войны, в нефтяном институте прошла конференция

чеченской интеллигенции, обозначенная как круглый стол. Тема: «Политические традиции как часть духовной культуры чеченцев». Приведу некоторые высказывания. Источник – журнал «Вестник ЛАМ» №16, 2003 год.

Эдилбек Хасмагомедов, кандидат исторических наук: *«Традиционное чеченское общество – это самоуправляющееся общество, для которого характерно отсутствие централизованного государственного аппарата. В современных условиях развитие общества вне государства невозможно. Ни авторитарные, ни тоталитарные модели в чеченском обществе невозможны».*

Шерип Цуруев, поэт, общественный деятель: *«В основе чеченской национальной идеи – свобода. И прежде всего свобода личности. Свобода нации не должна уничтожать свободу личности».*

Б. Нанаева, кандидат исторических наук: *«Для чеченцев в качестве законов выступали морально-этические нормы (с исламизацией народа наметилась тенденция превращения их в законы шариата). Высокая степень саморегулирования при полном отсутствии централизованного государственного аппарата – политические традиции, характерные для Чечни. Та религиозность, которая ведёт к утрате национальной идентичности, чеченской нацией не воспринимается».*

Я. Чагаев: *«Власть в Чечне не может быть ни наследуемой, ни пожизненной, ни абсолютной»* (газета «Чеченец», №2, 1998 год).

Известный этнограф и кавказовед Ян Чеснов в своей работе «Россия и Чечня» также, характеризуя чеченское общество, писал: *«Естественная свобода человека – суть вайнахской демократии»* (Ян Чеснов, «Россия и Чечня», газета «Чеченская земля» от 4 июня 1996 года).

По-моему, достаточная характеристика чеченского общества рассматриваемого периода. Но в сложившихся реалиях начала XVIII века, когда поражением закончилась война под предводительством Шейха Мансура и чеченцы вошли в плотное соприкосновение с российским централизованным государством и с соседними народами, у которых были достаточно сложившиеся феодальные отношения, данная структура самоуправления оказалась недостаточной. И прежде всего в области выстраивания внешних связей. Стиснутые ледовыми хребтами Кавказа на юге, российскими гарнизонами на Тереке, а потом и на Сунже на севере, кабардинскими феодальными владениями на западе и такими же кумыкскими и дагестанскими на востоке, чеченцы вынуждены были искать новые формы и внутренней самоорганизации, и отношений с соседними народами и с российским государством. Фактически чеченский народ оказался в блокаде. Были прерваны торгово-экономические и даже культурные связи с народами Кавказа, в том числе с тем же русским населением, которое, будучи зачисленным в казацкое сословие, оказалось в лагере враждебном. К тому же заняло лучшие плодородные земли по руслам рек Терек, Сунжа. Упорядочивание отношений с русским государством стало необходимостью. Положение на Северном Кавказе, сложившееся после войны под руководством Шейха Мансура, было неудовлетворительным также и для российской стороны. В Чечне это положение характеризовалось тем, что оттуда полностью были выдворено сословие инородных владельцев, которые часто служили субъектами различных переговоров с российскими военными, чётко обозначилось военное противостояние с чеченскими вольными обществами, а российские военные укрепления и на Тереке, и на Сунже оказались на осадном положении, что негативно сказывалось на хозяйственной жизни и казаков, и российских поселенцев, и на самих военных. Один из приверженцев пресловутой «теории» о якобы добровольном присоединении Чечено-Ингушетии к России С. Умаров в своей статье «От сближения к единству» (газета «Грозненский рабочий» от 29 марта 1988 года) писал: «*Обособленно-застойное общественно-политическое развитие народов Северного Кавказа пришло к тому времени в острое противоречие не столько с активизировавшейся политикой царского самодержавия, сколько с назревшими задачами всего многонационального государства»*. И далее приводится

ряд факторов, обуславливающих, по мысли автора, необходимость «ликвидации автономии» горских обществ. Это то, что номинальный характер власти царского правительства в Чечне давал повод для рассмотрения её в глазах мировой общественности как территории, временно занятой царскими войсками. Это и то, что борьба Чечни являла собой пример для других народов, в частности Дагестана и Грузии. И это ещё и то, что Россия присвоила себе право улаживать междоусобные конфликты среди других народов. Привычка, от которой Россия не может избавиться до сих пор. Примеры – грубое вмешательство России во внутренние дела Грузии, Украины, Молдавии, в результате чего от этих государств отторгнутыми Россией оказались целые анклавы территорий. От Грузии – Абхазия, Южная Осетия, от Украины – Крым и фактически Донецкий бассейн, от Молдавии – Приднестровье. Не удержусь, чтобы ещё раз не процитировать классика марксизма, а именно Маркса, который во времена идущей Кавказской войны писал: *«Вопреки признанию Англией захвата Кавказа Россией, звон оружия горцев доказывает миру, что Кавказ не принадлежит России, как утверждает Нессельроде и как вторит ему лорд Пальмерстон»* (собр. соч., т. 14, стр. 242). С целью доказать, что «принадлежит», российские военные в начале XIX века продолжают военные походы в Чечню. В частности, генерал Булгаков в 1804 и 1807 годах совершает два похода в районы Ханкалы, Атаги, Герменчук. В походе 1807 года участвует 10 000 военных. Походы успеха не принесли, хотя, по обыкновению, с представителями сёл Атаги, Гехи были заключены договоры о перемирии и получены аманаты – заложники, и походы эти были сопряжены с большими потерями.

3.2. Эпоха Бейбулата Таймиева

И ещё они показали, что прямое русское правление в Чечне невозможно. В отсутствие на территории Чечни прежних «князей» российское командование вынуждено было искать опору в среде известных личностей среди чеченских обществ. Такой личностью, на линии соприкосновения, в то время был старшина крупного села Шали Бейбулат Таймиев, получивший известность благодаря нападениям на казачьи посты и пленению полковника И. Дельпоццо. Он в 1807 году получил чин подпоручика с установлением жалованья. Но становиться простым исполнителем, одним из российских чиновников, орудием в руках российских военных Таймиев, видимо, не желал. Таймиев желал при поддержке российских военных стать правителем в Чечне. На что, конечно, не могли согласиться российские военные. Он несколько раз нарушал заключённые с русскими соглашения, организовывал нападения на укрепления, в том числе и на крепость Грозную. При одной из встреч с полковником (позднее – генералом) Н. Грековым Таймиев потребовал подчинить ему всех чеченцев с правом взимания с них налогов и штрафов. Таймиев три раза встречался с командующим Кавказской армией генералом Ермоловым. Его попытки создать в Чечне самостоятельное государственное образование под протекторатом России не встретили и не могли встретить поддержку со стороны российских властей. Вступивший в 1816 году в должность наместника на Кавказе и главнокомандующего Кавказской армией генерал Ермолов, который считал, что укреплению владычества русских на Кавказе могут способствовать только меры насилия, эти стремления Таймиева, конечно, отверг. Одновременно не оставившие своих намерений утвердиться в Чечне кумыкские и дагестанские владельцы и дагестанские религиозные миссионеры пытались дискредитировать его деятельность, ставя ему в вину контакты с российскими военными. К тому времени в Чечне и на всём Северном Кавказе в антиколониальном движении начинают превалировать религиозные лозунги, призванные с помощью религиозной идеологии сплотить народности региона в этой борьбе, усиливающиеся по мере ужесточения карательных мер со стороны русских. В 1819 году, 15 сентября русские войска под руководством генерала Сысоева полностью истребляют богатое село Дадай-Юрт, вырезают всех его жителей. В том же году генерал Ермолов совершает походы на сёла Чечен-Аул, Шали, Герменчук, Автуры, Гельдыген, Майртуп. В 1822 году в результате нескольких походов отрядами под руководством полковника Грекова истребляются аулы Гойты, Урус-Мартан, Шали, Малые Атаги. В этих условиях Бейбулат Таймиев постоянно держит в напряжении российских военных совершением набегов на их укрепления и колонны. И тем не менее, попытки достижения мира с русскими им не оставляются. В 1824 году он при посредничестве тарковского шамхала проводит ещё одну, третью по счёту встречу с генералом Ермоловым. Безрезультатную. Предложения Бейбулата о заключении мира, установлении союзно-договорных отношений с объединённой Чечнёй не могли встретить поддержки у российской стороны, которая эти отношения всегда видела только как отношения безусловного подданства горских народов российской власти. К тому же лидерство в движении против царских властей и социальных верхов начали оспаривать религиозные проповедники из среды дагестанских народов, которые тоже вели активную работу по дискредитации Таймиева как сторонника заключения мира с Россией. В результате на общечеченском съезде в селе Майртуп, где присутствовал и известный дагестанский богослов Мухаммад Ярагский, имамом Чечни был избран дагестанец Магомет Кудукли, хотя войну на территории Чечни против российских войск и казаков вёл Бейбулат Таймиев. Второй съезд чеченцев, состоявшийся в том же селе Майртуп, только ещё более резко выявил разногласия в стане восставших горцев. Всё большую силу приобретала религиозно-пропагандистская деятельность дагестанских миссионеров. Стремлению Бейбулата объединить Чечню, образовать на территории Чечни национальное государство, заключить с Россией равноправный договор о союзни-

ческих отношениях на данном этапе противостояли три силы. Первая – сама имперская сущность российского государства, которая установление таких отношений не допускала. Только отношения подданства. Вторая – деятельность инородных сословных верхов, желающих при помощи российского государства утвердиться на плодородных чеченских землях и держать в повиновении чеченцев. Третья – деятельность религиозных проповедников, в большинстве своём – не чеченцев, которые национально-освободительную по сути борьбу горцев хотели объединить на религиозной основе. И в этом эти силы преуспели. В 1825 году генералами Грековым и Лисаневичем для переговоров приглашаются в Герзель-Аул чеченские и кумыкские старейшины. Выстроив в ряд пожилых, уважаемых в народе старейшин, генерал Греков начал их оскорблять. И ухватил за бороду чеченского муллу Очар-Хаджи. Это было сильнейшим оскорблением. Моментально Очар-Хаджи выхватил кинжал и зарубил генерала Грекова и генерала Лисаневича. Все 318 чеченских и кумыкских старшин были в Герзель-Ауле перебиты. И этим был положен конец всякой возможности решения кавказского вопроса мирным, не военным путём. Вскоре после этих событий закончилась и эпопея Бейбулата Таймиева, долгие годы возглавлявшего борьбу чеченцев против российской экспансии и все эти годы стремившегося заключить мир с Россией и объединить чеченцев в едином национальном государстве. Бейбулат Таймиев с 1802 года вёл непрерывную войну с российским государством, с его опорой на Кавказе – казачеством и инородными владельцами, но и в то же время не прекращал попыток установления с Россией союзно-договорных отношений, что не входило в планы российского командования и вызывало противодействие аварских и кумыкских феодальных владетелей. В 1831 году Бейбулат был убит кумыкским князем Салат-Гиреем. Мы, современные кавказцы, с должным уважением относимся к Бейбулату Таймиеву и как к руководителю национально-освободительной борьбы наших народов против российских властей, и как к первому деятелю, стремившемуся к созданию единого чеченского национального государства и к установлению с государством российским равноправных союзно-договорных отношений. К чему Россия никогда не была готова. Ко времени окончания деятельности Таймиева влияние на события на территории Чечни сословия владельцев, князей, ханов, мурз было минимальным. Они были выдворены. Но и на территориях своих же они начали встречать противодействие в среде своих народов. На арену политической жизни вышли проповедники религиозной идеологии – исламского мюридизма, ратующие за объединение всех горцев в борьбе за социальное равенство, против князей, ханов и поддерживающей их российской администрации. Борьба чеченцев против феодалов и поддерживающих их царских войск всегда встречала поддержку в среде соседних народов. Так, когда ещё в 1758 году чеченцы восстали против кабардинских, кумыкских и аварских владельцев, пытающихся с помощью царских войск утвердиться в Чечне, генерал Фрауендорф совершает несколько карательных экспедиций с целью покарать чеченцев. В походах участвует и отряд калмыков – более 3 тыс. человек. На помощь чеченцам приходят андийцы, аварцы, кумыки. Народы Дагестана отправляют к генералу Фрауендорфу делегацию с требованием прекращения русскими и калмыками войны с чеченцами. Как известно, национально-освободительная по сути война кавказских народов против Российской империи в период 1785—1791 гг. под предводительством Шейха Мансура велась также и под религиозными лозунгами. Хотя эта война и закончилась пленением Шейха Мансура, нельзя сказать, что кавказцы потерпели в ней поражение. Обозначилась линия противостояния, за которой власть русских не распространялась. Усилилось влияние религиозной идеологии, выступившей как объединительная для разноязычных племён Северного Кавказа. Со временем религиозная идеология приняла форму мюридизма – суфийского направления в исламе. Противодействие России, складывающимся объективным процессам формирования на Кавказе государственных образований, с которыми можно было бы установить если не союзно-договорные, то хотя бы отношения протектората, вызвало объединение горцев на основе рели-

гиозной идеологии в форме мюридизма. Влияние религии и религиозных деятелей на общественную и политическую жизнь чеченцев станет превалирующей.

3.3. Религия и религиозные деятели в общественной и политической жизни чеченцев

В своей работе «Туземцы Северо-Восточного Кавказа» известный кавказовед Н. Семёнов писал, что наивно предполагать, что чеченцы являются какими-то религиозными фанатиками. *«Обрядовою стороною и кончается их религиозность»,* – писал он. Действительно, последними на Кавказе приняв ислам (восточные чеченцы – в XVI – XVIII вв., западные, в том числе и ингуши – в конце XIX в.), чеченцы в своей общественной и личной жизни строго придерживались своих тысячелетиями освящённых адатов, руководствовались своими представлениями о чести и достоинстве личности. Например, чеченцы не применяли у себя некоторые нормы, допустимые в шариате, но не соответствующие их адатам. Прежде всего, были отвергнуты всякие формы наказаний, унижающие человека, его достоинство, сопровождающиеся жестокостями. Это такие формы наказаний, как избиение палками, розгами, кнутом и т. д., всякие публичные казни, отсечение кистей рук, ног. Также не была принята практика браков между родственниками по крови вплоть до браков между двоюродными братьями и сёстрами, допустимая в шариате и широко применяемая среди арабов, аварцев и других народов. Не получило широкого распространения среди чеченцев и такая норма шариата, как многожёнство. Уважение женщины в чеченском обществе было очень высокое, и приведение в семью другой женщины считалось выражением неуважения к матери своих детей, хранительнице очага. Эти все нормы, отвергнутые чеченским обществом, попытались в 1997—1999 гг. навязать чеченцам новоявленные «радетели ислама», представители из стран арабского мира, выходцы из Дагестана, чеченцы происхождения нечеченского, выпускники арабских религиозных учебных заведений из чеченцев и вчерашние коммунисты-атеисты. Но и та религиозная истерия, которая нагнетается в современной якобы светской Чечне, демонстративная показная набожность чеченцам ни в какие времена свойственна не была. Скромность, достоинство, которые чеченцами всегда считались предпочтительными кичливости, бахвальству, свойственны были им и в поведении, и в выражении всех чувств, в том числе и религиозных. Лидерство Бейбулата Таймиева в борьбе против российской экспансионистской политики и против социальных верхов уже к концу его жизни перешло к проповедникам религиозного призыва. Ярким представителем их в Северо-Восточной Чечне и соседних кумыкских и дагестанских районах был Ташу-Хаджи, ученик и приверженец дагестанского богослова – суфия накшбандийского тариката Мухаммада Ярагского. Некоторые современные исследователи религиозных течений на Северном Кавказе считают, что Ташу-Хаджи был наставником и у Кунта-Хаджи Кишиева, первого проповедника в Чечне кадирийского тариката. Он, Ташу-Хаджи, как ранее и Таймиев, признал имамом Дагестана Гази-Мухаммеда и развернул религиозную и военную деятельность в северо-восточных районах Чечни. Известно, что в чеченское село Саясан (Сесана) он переехал из села Эндери, где совместно и компактно проживали чеченцы, кумыки, ногайцы, горные евреи и другие народности. Исследователи предполагают, что он мог быть из смешанной семьи, где один из родителей мог быть происхождением из чеченцев, а другой – из кумыков или горских евреев. Говорил на кумыкском языке. В среде самих саясановцев бытует предание о том, что Ташу-Хаджи говорил, что он является потомком царя Давида (Дауд пайхамаран т1аьхьенах). Принадлежность человека к какой-либо этнической группе определяется не столько его происхождением, сколько средой, обществом, народом, которые оказали наибольшее влияние на его становление как личности, общественного и/или политического, религиозного деятеля. И в этом смысле его по праву называют устазом чеченским. Точно то же можно сказать и о другом величайшем религиозном деятеле Северного Кавказа, устазе Кунта-Хаджи Кишиеве. Киши, отец Кунта, мюрид Ташу-Хаджи, как свидетельствуют исследователи деятельности Кунта-Хаджи, происхождением считался из арабского племени курей-

шитов. Так, в публикации телерадиокомпании «Путь» им. А. Кадырова пишется: *«Киши, отец одного из самых широко известных религиозных представителей мусульман Северного Кавказа, является потомком курейшитов»*. В чеченское село Илисхан-Юрт Кишиевы переселились тоже из Дагестана. Есть также предположения, что Кишиевы являются выходцами из горного дагестанского селения Кумух, бывшего резиденцией Лакского ханства, или из андийского села Гунха (Гумух). Как есть утверждения о том, что Кишиевы являются по происхождению кумыками. Но вся жизнь и деятельность Кунта-Хаджи протекала в Чечне. Здесь были все его родственные связи. Отсюда пошло его влияние и распространение его учения среди других соседних народов. Ко времени завершения эпохи Бейбулата Таймиева в северо-восточной части Чечни начинает усиливаться деятельность Ташу-Хаджи, как военная, так и религиозная. Признав вместе с Таймиевым имамом Дагестана Гази-Мухаммеда, а потом и Гамзат-Бека, он начинает участвовать в антиколониальной войне в Чечне, которая шла под предводительством того же Бейбулата Таймиева, а также провозглашённого имамом Чечни майртупского Авко, герменчукского шейха Абдул-Кадыра, герменчукского Абдурахмана и других. Со смертью в боях чеченских руководителей Ташу-Хаджи становится известным военным предводителем и религиозным авторитетом – наставником мюридов накшбандийского тариката. Ташу-Хаджи был строгим приверженцем шариата. Он требовал непременного принятия всех норм шариата и отмены чеченских адатов, не согласующихся с шариатом. Ещё при избрании имамами Дагестана Гази-Мухаммеда и Гамзат-Бека Ташу-Хаджи, несомненно, был одним из лидеров, который мог претендовать на роль имама. Предпочтение первыми дагестанскими богословами могло быть отдано в связи с тем, что личность Ташу-Хаджи они воспринимали прежде всего как представителя чеченского национального антиколониального и религиозного движения. Соперничество различных религиозных течений и религиозных группировок уже в то время, видимо, имело место. Но при избрании в 1840 году в Урус-Мартане имама Чечни и Дагестана решающее влияние имел уже фактор другой. Как известно, после провозглашения в 1834 году имамом Дагестана Шамиля Ташу-Хаджи в 1836 году заключил с ним соглашение о совместной борьбе с царскими войсками и за внедрение шариата. Чеченские отряды принимали участие в нападениях имама Шамиля и на российские укрепления, и на отдельные феодальные владения, и на отдельные дагестанские сёла с целью заставить их принять шариат и, следовательно, власть имама Шамиля. В этих мероприятиях Ташу-Хаджи выступал как равноправный с Шамилем представитель воюющей Чечни. После разгрома в Ахульго в 1839 году раненый Шамиль с семьёй прибыл в Беной, где находился Ташу-Хаджи. Влияние Ташу-Хаджи в Восточной Чечне было внушительным, и претендовать на роль имама здесь Шамилю было бы затруднительно. И он перебрался на запад – в Аргунское ущелье. И начал проповедническую деятельность, суть которой можно изложить словами вышеприведённых прокламаций: *«Религия ваша, обычаи ваши, законы ваши, земля ваша будут неприкосновенны»*. То есть Шамиль не настаивал на немедленном внедрении всех норм шариата, отмене адатов, музыки, танцев, чеченских обычаев общения с женщинами и других сложившихся норм чеченского внутреннего самоуправления. Вот этот фактор, видимо, сыграл важную роль в том, что имамом Чечни 8 марта 1840 года в Урус-Мартане был избран Шамиль. Кроме того, Ташу-Хаджи в то время уже был «своим». А своих чеченцы, как известно, к власти не допускают. Они предпочли нанять «чужого» Шамиля, а не допустить к власти своего Ташу-Хаджи с его жёсткими требованиями отмены адатов. Чеченцам нужен был более предводитель, чем мулла. И они, чеченцы, в том числе и в первую очередь известный чеченский предводитель Иса Гендаргеноевский, Шоип-мулла и Ташу-Хаджи, видимо, предлагали Шамилю исполнение функций баьччи – военного предводителя. На что дальновидный Шамиль не согласился. Ему нужна была власть. И он добился того, что его провозгласили имамом – обладателем судебной, исполнительной и военной власти, освящённой религией. Кроме того, влияние дагестанских богословов в Чечне всегда было велико, что, несомненно, тоже сыграло роль при избрании

имамом Шамиля. Но хотя имамом был избран Шамиль, Ташу-Хаджи оставался почти независимым чеченским предводителем. А Чечня оставалась как бы государством в государстве, независимым и от власти русских, и от власти Шамиля. Такое положение Шамиля, конечно, устраивать не могло. Деятельность имама Шамиля и его предшественников по внедрению норм шариата, то есть установление власти своей и своих приближенных в Дагестане, сопровождалась ликвидацией власти дагестанских сословных верхов – аварских нуцалов, тарковского шамхала и других. После полного истребления семьи аварских нуцалов Гамзат-Бек просто присвоил себе его функции феодального владетеля, прикрываясь религиозными лозунгами. И потому был убит кровниками. Ликвидировать институт кровной мести, присвоить себе единоличное право казнить или миловать в государственных образованиях исламского мира, в том числе и на Северном Кавказе всегда и во все времена хотели и хотят именно власть имущие, чтобы избежать возмездия за свои злоупотребления властью. Но этот адат, эта норма, предписанная и в Коране, и в других священных книгах других религий (дозволено воздаяние равным за равное), очень живуч, и обычно на Кавказе возмездие за преднамеренное убийство неотвратимо. А таковым – преднамеренным убийством – было истребление семьи аварских нуцалов. Кстати, о статусе имамов. Некоторые дагестанские общественные и политические деятели иногда имеют правило заявлять, что Шамиль не был имамом Дагестана: оставьте его себе, предлагают они чеченцам. Такое расхожее мнение особенно сильно распространено было в среде руководства и общественных деятелей Дагестана в период депортации чеченцев. Вспомнить хотя бы, как характеризовал имама Шамиля Расул Гамзатов: «Чеченский волк, ингушский змей». Некоторая доля правды в таких предположениях может быть. В большой степени косвенным можно считать участие народа Дагестана в избрании имамов Шамиля, Гази-Магомеда и Гамзат-Бека. Чтобы избежать превратного толкования, подчёркиваю – «избранными народом». Как известно, тарковские шамхалы, аварские нуцалы, аксайские мурзы предпочитали не воевать, а договариваться с русскими. Большинство из них принимали российское подданство и с помощью российской силы укрепляли своё владычество над своими народами. Дагестанское духовенство, тоже претендующее на влияние на мысли, поступки людей, организовало борьбу против этих владельцев. Представители духовенства собирались и назначали имама, исполнителя их воли, обладателя военной, исполнительной и судебной власти – того же самого тирана, что и истреблённые ими аварские нуцалы. Причём власть их намного превосходила власть феодальных владетелей, так как была освящена именем шариата. Более назначены авторитетными алимами, чем избраны народом, были в Дагестане все три вышеназванных имама, если даже некоторая часть населения и участвовала в этом, так как влияние религиозных проповедников на своих мюридов было решающим. Кстати, именно такую модель, при которой руководитель (имам, амир и т. п.) избирается не народом, а «богобоязненными алимами», пытались навязать чеченцам и оппозиционные Масхадову политико-религиозные движения в Чечне в период 1997—1999 гг. И свою власть в дагестанских обществах они устанавливали жесточайшими репрессиями. И хотя называлась эта власть установлением шариата, она была не менее обременительна, чем феодальная: поборы с населения не уменьшились, а возросли в связи с объявленным обязательным закятом (обязательный по исламу налог с доходов и имущества). Но так как всё это сопровождалось ликвидацией власти ханов, их действия встречали сначала поддержку у населения. Единственным избранным населением и, опять-таки, не без воздействия агитации тех же дагестанских алимов был имам Шамиль. И то – только в Чечне. Отсюда, из Чечни, отрядами из чеченцев, в большинстве случаях возглавляемыми тем же Ташу-Хаджи, он начал восстанавливать свою власть в Дагестане. В Чечне ханов, князей не было. И для утверждения у власти в Чечне Шамиль, так же как и Ташу-Хаджи, начал насильно насаждать шариат в формах, неприемлемых для чеченцев. Так, один из низамов гласил, что надо запретить, чтобы парни и девушки собирались вместе, чтобы они орали, как ослицы, бегущие от ослов. Чеченские парни и девушки на вечеринках (син-

къерам) исполняли песни в сопровождении музыкальных инструментов. Под запретом были объявлены народные увеселения – танцы, вечеринки, совместные белхи (оказание друг другу помощи в сельскохозяйственных, строительных и других работах, обычно сопровождающееся танцами, песнями), встречи молодых людей у родников, у родственников или соседей девушек и другие формы общения чеченской молодёжи. Причём делалось это с привлечением личной гвардии (муртазеки), состоящей преимущественно из аварцев, и с заселением целых анклавов чеченской территории аварским и других дагестанских общин населением. Так, на территории современного Веденского района со своего насиженного места Черма в район современных сёл Махкеты, Сельмен-Таузен был переселён тейп Чармой. На земли тейпов Элистанжи и Эгишбатой были заселены группы населения даргинцев (ц1адахьрой), в район Ведено заселены выходцы из аварского общества Карата. Имели место выселения и переселения целых селений. В своих «Записках о Шамиле» приставленный к Шамилю в Калуге офицер Руновский приводит слова Шамиля о том, что самым беспокойным тейпом в Чечне он считает харачойцев. «Я выселил людей этого тейпа в различные сёла Дагестана», – говорил Шамиль. Но вскоре из этих сёл начали поступать жалобы на харачойцев, и он вынужден был разрешить им возвратиться на свои земли. Кроме того, чеченцам, не имевшим в среде своей сословных элит, власть шамилевских наибов очень не нравилась. Ташу-Хаджи тоже выступил против заселения Шамилем чеченской территории выходцами из Дагестана и против засилья наибов, которые начали злоупотреблять властью. И в связи с этим имам Шамиль снял его с должности наиба Ауха. Но когда жители Чеберлоевского наибства восстали против засилья шамилевских наибов, на его усмирение он послал именно Ташу-Хаджи. Независимо от мотивов Шамиля этот его шаг объективно способствовал достижению двух целей: усмирению непокорных чеченцев и дискредитации Ташу-Хаджи. В этих событиях Ташу-Хаджи был ранен и скончался. Похоронен в селе Саясан. Над могилой устроен зиярат, куда на паломничество приходят множество последователей его вирда – накшбандийского тариката суфизма. Деятельность Ташу-Хаджи в Чечне и Дагестане характеризуется отстаиванием интересов Чечни в отстаивании её независимости от власти и русских, и Шамиля. Власть Шамиля в Чечне признавалась, и он был имамом в Чечне до тех пор, пока был предводителем в их войне. И она закончилась тогда, когда он и его наибы вздумали вести себя в Чечне как властители, несмотря на то что все свои действия они пытались освятить именем религии, желанием внедрить в среду «невежественного» народа шариат. Авторитарная форма правления, установленная Шамилем, не устраивала не только чеченцев. В 1948 году имам Шамиль созвал в Ведено съезд представителей чеченских обществ, где объявил своего сына Гази-Магомеда наследником своей власти. Не только чеченцы, но и некоторые дагестанские соратники Шамиля посчитали этот шаг предосудительным. Командующий имаматовской конницей, один из храбрейших и дерзких воинов в имамате Хаджи-Мурат ушёл со съезда, сказав, что имамом будет тот, у кого сабля острее. В 1851 году Хаджи-Мурат из-за разногласий с имамом перешёл на сторону русских. Не могла в Чечне утвердиться власть авторитарная, а тем более наследуемая. Этот факт должен был бы послужить уроком для последующих поколений: нельзя использовать религию для угнетения народа, для установления власти одной группы или личности над народом. На эти грабли чеченцы будут наступать ещё не раз. В данный рассматриваемый период религия и религиозные деятели в жизни чеченцев и других народов Северного Кавказа, несомненно, сыграли позитивную роль, способствовали объединению разноязычных горских племён в борьбе против российских войск и их опоры – местных социальных верхов. Данный период характеризуется и тем, что на территории Чечни и Дагестана было создано государственное образование монархической формы правления на религиозной идеологии. Причём Чечня в этом государстве была главной экономической базой и полем основных решающих сражений с царскими войсками и долее других частей имамата сохраняла свою независимость от авторитарной власти Шамиля и его ставленников. С начала военных действий народов Северного Кавказа против российской

экспансии под руководством Шейха Мансура и до 1878 года война велась под религиозными лозунгами, которые, повторюсь, объединили народы Кавказа в их национально-освободительной по сути борьбе. За свободу и независимость воевали чеченцы и другие народы Северного Кавказа. В отличие от Дагестана, где к тому времени уже сложилось несколько вирдовых братств во главе со своими учёными богословами, в Чечне шейхами-богословами, имеющим право посвящения (принятия) в мюриды, были только Ташу-Хаджи и Гази-Хаджи Зандакский, оба ученики Мухаммада Ярагского из Дагестана, и Шоип-мулла. Гази-Хаджи тоже имел своих мюридов, но, по-видимому, занимался более духовно-нравственной работой. Известно, что умер он в Мекке во время совершения хаджа. Ни Шамиль, ни предшествовавшие ему имамы этим правом не обладали, хотя и были достаточно религиозно образованы. Они и составлявшие их ближайшее окружение мюриды своё посвящение в мюриды получали от известных в Дагестане шейхов-суфиев Мухаммада Ярагского, Саида Араканского, Джамалутдина Казикумыхского. Численность мюридов шейха Ташу-Хаджи не могла быть большой, так как он был в то время почти единственным в Чечне получившим силсилу (право) посвящения в мюриды, во-первых, ареал его деятельности в основном ограничивался территорией северо-восточной Чечни и сопредельных земель обитания кумыков, во-вторых, как свидетельствуют исторические исследования, в тот период в Чечне выявился ряд видных чеченских предводителей в военных действиях против российских войск. Такие как Шоип-мулла Цонтороевский, Джаватхан Даргинский, Иса Гендаргеноевский. Но они были более воинами, чем религиозными проповедниками, как Ташу-Хаджи. Участниками этой войны были массы горцев Чечни, Дагестана, других сопредельных территорий, большинство из которых могли не быть мюридами какого-либо шейха – устаза. Но организаторами, предводителями воинских подразделений, наибами в основном, видимо, были мюриды. Мюридизм того времени в Чечне в основном был представлен накшбандийским тарикатом. В русско-кавказском противостоянии 1818—1878 гг. движение мюридизма сыграло свою важную позитивную мобилизационную, объединительную и религиозно-пропагандистскую роль на всём Северном Кавказе. Уже во времена имама Шамиля началась деятельность в Чечне устаза – проповедника кадирийского тариката Кунта-Хаджи Кишиева. Его учение о непротивлении злу насилием, призывы избежать истребления народа в неравной борьбе встретили понимание и нашли поддержку в среде уставших от войны, доведённых до физического и морального истощения, страдавших от беспрерывных военных действий и недовольных усиливающимся гнётом со стороны формирующейся шамилевской военно-религиозной элиты чеченцев. Его учение встретило противодействие со стороны Шамиля и его наибов как противоречащее их призывам к священной войне – газавату – против неверных. А с увеличением его приверженцев репрессии на него и приверженцев кадирийского тариката обрушили российские власти, которые видели в них организованную и сплочённую на религиозной идеологии силу, которая может в любой благоприятный момент выступить против. В «Хронологии…» Абузара Айдамирова упоминается, что власти даже организовали движение некоего муллы Абдул-Кадыра, который в период с 1861 по 1865 год выступал против учения Кунта-Хаджи. Шейхи и мюриды накшбандийского толка, которые были в то время основными участниками антиколониальной войны в Чечне и Дагестане, называли кунта-хаджинцев «снявшими пояс сопротивления» (юкъ яьстинарш), то есть уклоняющимися от войны. Репрессии эти, и не просто против мюридов и мюршидов, но и вообще против всей религии и верующих всех конфессий, как мы знаем, стали составной частью идеологической политики и советской власти. С убийством советскими властями в 1925 году шейха кадирийского учения в тарикате Али Митаева и со смертью в 1962 году накшбандийца Бауди Арсанова суфийские братства Чечни остались без духовных наставников, если не считать последователя вирда Чим-Мирзы, Вис-Хаджи, который в Казахстане создал свой вирд, тоже кадирийского толка, и который почил 1973 году. Правда, советская власть, устраивая гонения на всех верующих, в случае необходимости не брезговала использовать авторитет суфийских

шейхов, их потомков, известных богословов в достижении своих целей. Так, в период 1925—1944 гг. при разоружении населения широко использовалась клятва на Коране в их присутствии. Клятва на Коране для мусульман – священная процедура. Лжеклятва может принести кару божью не только на произносящего её, но и на всё село и общество в целом. И потому её принесение обычно осуществляется за пределами населённого пункта. Само наложение обязательства принесения такой клятвы также может восприниматься как оскорбление: человеку выражается недоверие его словам. Но работники НКВД в эти тонкости, конечно, не вникали. Как рассказывал ныне покойный бывший милиционер харачоевец Азим Эшиев, начальник Веденского управления НКВД еврей Исаков человека, подозреваемого в хранении оружия, вызывал в отдел, в присутствии муллы клал перед ним Коран и предлагал принести клятву на нём. Обычно до этого даже не доходило. Исаков мог сделать угрозу, что поставит его перед Кораном, и человек готов был даже на то, чтобы хоть купить и сдать оружие. Таково трепетное отношение чеченцев к Корану.

Другой пример использования религиозных авторитетов: после депортации чеченцев в 1944 году на территории республики осталось большое количество людей – и отставших, и не пожелавших ехать в ссылку, в том числе участников вооружённого сопротивления советской власти. Для их задержания из депортации были вызваны шейхи Бауди Арсанов, Абдул-Хамид Яндаров, Аббас Гайсумов и другие известные лица, из места службы в Дагестане был вызван сын абрека Зелимхана – Умар-Али. Только под их поручительство люди выходили из лесов и ущелий гор и сдавались властям. Действительно отставшие были депортированы и воссоединены с семьями, многие уничтожены.

Сплочённость мюридов, их взаимопомощь во многом способствовала в эти тяжёлые годы выживанию людей, сохранению ими человеческого и национального достоинства. Несмотря на гонения властей, несмотря на то что в Чечне не осталось духовных наставников тариката, у которых люди могли бы пройти посвящение в мюриды, чеченцы, ингуши, аварцы, андийцы, даргинцы, лезгины, кумыки, другие народности и сегодня придерживаются определённого учения тариката, в основном – накшбандии или кадирии.

Исторически сложилось так, что тарикат накшбандийского толка в Чечне начал распространяться раньше. В работах «Шейхи и эвлия Чечни. Два основных тариката – накшбандия и кадирия» автора Хаваджи Яндарова и «Вирдовые структуры Чечни и Ингушетии» автора Майрбека Вачагаева перечислены наиболее известные шейхи, устазы, богословы Чечни и Ингушетии. Из значащихся в этих списках 109 человек только восемь являются духовными наставниками приверженцев учения кадирия. Это прежде всего Кунта-Хаджи и бывшие его мюриды, ставшие сами духовными наставниками и основателями своих вирдов – Баматгири-Хаджи, его сын Али Митаев, Юсуп-Хаджи, Чим-мирза, Мани-Шейх, Вис-Хаджи, ингушский наставник Батал-Хаджи.

Однако численность приверженцев вирдов (направлений в учении) Кунта-Хаджи в республиках Северного Кавказа большая. В конце XX столетия, несмотря на все преследования, были в Чечне, Ингушетии, Дагестане учёные богословы, к слову которых прислушивались все верующие, которые имели огромный авторитет среди своих народов, по слову которых кровниками прощалась кровь, улаживались многие межтейповые и межличностные конфликты. Многие из них из среды чеченцев и ингушей провели 10—15 лет в сталинских застенках, но своего вероубеждения не изменили. К таковым относились, например, в Веденском районе известные в республике и за её пределами учёные богословы Г1ирма Солтагириев из Харачоя, Амир Байсуев из Ведено из тейпа Эрсеной, Бола Хаджимуратов и Мохмад Басханов из Элистанжи, Денисолта Идрисов из Эшилхатоя, Юсуп-Хаджи из Махкеты, Умар-Хаджи из Анди и другие. И к таковым, несомненно, относились бывшие муфтиями в Чечне в сложное перестроечное время Магомед-Башир-Хаджи Арсанукаев из Алхан-Юрта, Махмуд Гаркаев из Малых Атагов и широко известный в настоящее время и на всём Северном Кавказе, и в мусульманском мире

ближнего и дальнего зарубежья религиозный и общественный деятель, председатель Совета алимов Чеченской Республики Хож-Ахмед-Хаджи Кадыров.

В исследовательской литературе по религиозным течениям в исламе на Северном Кавказе нередко встречаются утверждения о том, что вирдовые сообщества имели узкий тейповый круг приверженцев, Например, в учебном пособии для вузов, изданном в Махачкале в 2008 году, пишется: *«Суфизм в Чечне характеризуется замкнутостью в рамках отдельных тейпов»*. Не совсем верное утверждение: приверженцами вирда Кунта-Хаджи и Ташу-Хаджи, например, являются верующие не только различных тейпов, но и различных народов Северного Кавказа – чеченцы, ингуши, андийцы, аварцы, кумыки, даргинцы и другие. То, что вирдовые сообщества Северного Кавказа не являются объединениями верующих по тейповым признакам, отмечают в своих работах такие исследователи, как Галина Амировна Хизриева, Вахит Акаев и другие. В своей работе «Вирдовые сообщества в Ингушетии» Г. Хизриева, например, пишет: *«Вирды в Ингушетии и Чечне надтейповая, а в Дагестане надтухумная и надэтническая структура»* (указ. соч., журнал «Этнографическое обозрение», 2006 год). В своей работе «История и специфика современного исламского возрождения в Чеченской Республике» автор Вахит Акаев тоже отмечает, что членами вирдов, как правило, являются представители различных тейпов и народностей. Но есть доля правды в том, что последователями того или иного устаза становились обычно вслед за главой семьи, старейшего или уважаемого в роде, в тейпе большинство членов семьи, рода, тейпа. При наличии среди чеченцев множества вирдов (сообществ мюридов различных устазов-наставников) накшбандийского и кадирийского тарикатов эти мюриды не противостояли друг другу ни по вирдам, ни по тарикатам, хотя изредка появлялись одиночки-невежды, которые могли заявить о неких особенных заслугах, способностях своего устаза. Напротив, известные и уважаемые в народе алимы всегда подчёркивали равенство всех устазов и всех людей перед Всевышним. Тем не менее, сам факт наличия множества вирдов и тарикатов становится предметом критики представителей других отдельных направлений в исламе, в том числе и прежде всего со стороны так называемых ваххабитов – салафитов, которые сами также являются только приверженцами одного из множества направлений и учений в исламе. Деление на различные учения, направления, секты – это болезнь и проблема не только чеченцев, а всего современного ислама и других религий мира. Далее в этом пособии пишется: *«Ваххабиты же выступают с позиции объединения чеченцев вне зависимости от принадлежности к тому или иному тейпу»*. Ислам любых направлений и учений, как и христианство, не делит людей по тейпам, нациям, расам.

Салафитское учение, одно из многочисленных в исламе, широко распространено в странах Аравийского полуострова, его придерживается правящая семья Саудитов в Саудовской Аравии и большинство населения этого и сопредельных ему государств. Данное учение было взято на вооружение оппозиционными Масхадову политическими группировкам в период 1997—1999 гг. и было привнесено на Северный Кавказ и в чеченское общество не только представителями из стран арабского мира, но и определённой политикой московских структур. Множество организаций данного толка регистрировались в Минюсте в Москве, где печаталась их религиозно-проповедническая литература, откуда они свою работу распространяли в регионы России. В качестве одного из свидетельств потворства данным религиозным течениям определённых служб из центра может быть приведён следующий факт: комиссия при президенте Российской Федерации по противодействию экстремизму 22 июля 1998 года сделала заключение о том, что течение ваххабизма не является экстремистским. А это было время, когда в Дагестане несколько сёл в Кадарской зоне объявили о ликвидации светской власти, то есть о неподчинении власти официальной, а в Чечне под религиозными лозунгами активизировалась оппозиционная деятельность против Масхадова. Именно в тот период, 16 августа 1998 года, сёла Кара-Махи и Чабан-Махи Дагестана объявили себя отдельной, не подчиняющейся официальным светским властям Дагестана исламской территорией. А 21 августа был

убит председатель Духовного управления мусульман (ДУМ) Дагестана Саид-Магомед Абубакаров.

Я не имею ни возможности, в силу отсутствия знаний в соответствующей области, ни намерения, ни желания разбираться в вопросах различия между тарикатистами, салафитами и другими многочисленными течениями в исламе. Но считаю возможным сказать, что ваххабитское (салафистское) исламское течение в период 1997—1999 гг. в Чечне и на всём Северном Кавказе выступило как явно политизированное по направленности и крайне радикальное по методам. Восполнить в среде тарикатистов, как на заре их возникновения, ярких предводителей и наставников решили честолюбивые, жаждущие славы и власти молодые выпускники религиозных учебных заведений стран Ближнего Востока и чеченские и дагестанские политиканствующие деятели, возведённые на пьедестал власти и славы самоотверженной борьбой чеченского народа в период войны 1994—1996 гг., абсолютное большинство среди которых составляли тарикатисты. И формировались эти ваххабитские джамааты по клановому признаку (как сообщество, сложившееся по политическим, меркантильным интересам, использующее религиозную риторику) преимущественно из числа лиц нечеченского происхождения, выходцев из Дагестана, стран Ближнего Востока и Аравии и из оспаривающих власть «политиков» из чеченцев. Кстати, не все сформировавшиеся во время войны группировки, которые в период 1997—1999 гг. стали именоваться джамаатами, состояли из ваххабитов. Например, джамаат Харачойский состоял из мюридов Кунта-Хаджи и в набеге на Дагестан в 1999 году не участвовал.

Хотя среди современной чеченской и других народов Северного Кавказа молодёжи немало людей, которые слабо придерживаются или вовсе не придерживаются суфийских обрядов, то есть не участвуют в совершении зикров, мавлида, вряд ли можно сказать, что они все ваххабиты, что само по себе не может рассматриваться не только преступным, но и даже предосудительным: выше уже писалось, что салафизм – это одно из множества исламских религиозных учений, которого придерживается абсолютное большинство населения региона, куда наши руководители и население совершает паломничество – хадж. И тем более они не могут быть отнесены к потенциальным террористам. Нет. Они просто мусульмане, считающие достаточным выполнение наложенных Кораном парзов (обязательного для мусульманина). И отторжение у этих людей, возможно, вызывают вовсе не тарикатисты и их обряды, а представители чеченского официального духовенства, которые фактически превратились в государственных чиновников, обслуживающих власть, которые борьбой с «ваххабитами-террористами» оправдывают любые репрессивные меры властей в отношении любого проявления кем-либо из населения недовольства общим социально-экономическим положением в регионе или допущенным, по их мнению, в отношении лично их несправедливости, придавая любым таковым проявлениям религиозный и экстремистский характер.

При всём нежелании затрагивать эту болезненную тему, наверное, можно обратить внимание на некоторые нюансы. Привлекательность лозунгов ваххабитов для молодых людей может быть в том, что они выступают против деления мусульманской уммы по вирдам, сектам, мазхабам. Но оседлавшие после 1996 года религиозную риторику чеченские и других республик Северного Кавказа «деятели» и амиры возникших после первой войны в Чечне джамаатов, осуждающие в якобы благих целях деление чеченского и других народов Северного Кавказа по вирдам и тарикатам, фактически сами выступали в роли тех же самых духовных наставников, какими были в своё время ныне почитаемые тарикатистами устазы – учителя. Кроме этого, они же исполняли и роли политических лидеров, военных руководителей отдельных и крайне политизированных группировок, требуя безусловного себе подчинения членов своих джамаатов не только в религиозных, но и в политических, военных, бытовых вопросах, навязывая и в своих группах, и всем окружающим нормы этики, морали, поведения, формы одежды, не совсем соответствующие чеченским обычаям. Причём навязывание своих поня-

тий и норм в Чечне того периода они пытались осуществлять не разъяснительными методами, а более административными и с применением силы. Примером этого могут служить известные события в Гудермесе летом 1998 года. Примером может, например, служить и постановление шуры города Урус-Мартан от 11 июля 1999 года. №32. Пункт 1 данного постановления гласил: *«Всему мужскому населению г. Урус-Мартан рекомендовать пересмотреть свой жизненный уклад и изыскать возможности для заведения от двух до четырёх супруг».* Подписано*:* амир шуры – М. Вахидов, наиб шуры – С-А. Юсупов. Чеченцы пересматривать и менять «свой жизненный уклад» не хотели. Не хотят. И не будут. Для чеченцев того периода проблемой было не изыскание возможностей для заведения до четырёх жён, а прокормление себя, своих семей – хотя бы одной жены, детей, родителей, или поиск пропавших без вести, или лечение своих родных и близких, покалеченных войной и физически, и морально.

Кстати, современными представителями чеченского чиновничества и государственных органов широко взяты на вооружение все лозунги и все методы, использовавшиеся в то время ваххабитами, с которыми они – современные чеченские силовые, идеологические, государственные, религиозные структуры – якобы борются. Это и то самое многожёнство, широко практикуемое в среде современного чеченского чиновничества, в том числе и высокого ранга, это и запрещение употребления и продажи спиртных напитков, и это и популяризация той же самой формы одежды, манер поведения. И не поделили они – все группировки, спекулирующие религиозными лозунгами, как находящиеся у власти, так и стремящиеся к ней – одно: власть. Если это не так, если современные так называемые религиозно-политические деятели периода Чеченской Исламской Республики Ичкерия озабочены исключительно восстановлением в Чечне «исламских» порядков, они все могут возвратиться в Чечню. Все порядки, за которые они якобы в своё время ратовали, в современной, «кадыровской», как они называют, Чечне восстановлены.

Но это – так, между прочим. Продолжим про политику и методы действия определённых политизированных и военизированных оппозиционных А. Масхадову группировок, которые использовали в то время религиозную риторику и которых именовали и именуют ваххабитами. Глобальность хотя и не декларируемой, но исподволь проводящейся политики объединить весь мир в лоне одной религии – ислама, а в самом исламе – в рамках салафитского учения завораживает и привлекает некоторых верующих, особенно среди молодёжи, поверхностно знакомой с историей всех религий вообще. На самом деле в их, по-видимому, хорошо финансируемой извне деятельности прослеживается целеустремлённая политика определённых группировок стран афро-азиатского континента. Она сродни той политике, которую мы именуем русификацией в России, глобализацией – в Западном мире, а во всём мире – миссионерской. И история тому свидетельство. В настоящее время абсолютное большинство стран Северной Африки, начиная от Магриба – побережья африканской Атлантики на Западе и до Индии на Востоке, официальным и государственным языком имеют арабский. Все эти страны и населявшие их народы когда-то, до завоевания их арабами, имели другие названия и языки. Произошла не просто исламизация, произошла и арабизация народов. Само название политического движения, возглавлявшегося в те известные годы М. Удуговым, – «Исламская нация» – говорит само за себя: это было антинациональное, античеченское движение, может, и не имеющее таковой своей целью, но объективно способствующее превращению чеченского этноса в безликую часть некоего конфессионального сообщества, утрате самобытного этнического облика, национальной культуры. Эти люди не только отвергали религиозные обряды тарикатистов зикр, мавлид, назма, объявляя их «бид1а», но и считали куфром (неверием) все чеченские национальные светские культурные средства общения – национальные и любые танцы, песни (илли, эшар, назма), музыку, театр. Отказаться от всего этого означало – нет нации, нет чеченцев. Прямым следствием этой политики можно назвать то, что Доку Умаров 7 октября 2007 года объявил о ликвидации Чеченской Республики Ичкерия и о создании какого-то «Кавказского эмирата».

Причём в этом новом образовании «Кавказский эмират» предполагалось объявить государственным или арабский, или турецкий язык. Вот эта политическая миссионерская подоплёка, скрывающаяся за деятельностью ваххабитских группировок в Чечне того периода, вызывала и вызывает отчуждение в среде приверженцев существующих на Северном Кавказе национальных традиционных форм религии, в том числе и в среде основной части чеченской интеллигенции. Никакая идеология и никакие течения в религиозном и других учениях, ведущие к утрате национальной идентичности, чеченцами, действительными чеченцами, позитивно не воспринимаются. Манкуртизм ни под каким соусом для чеченцев неприемлем. В этом отношении примечательно выступление президента Масхадова по Чеченскому государственному телевидению 15 июля 1998 года, где он говорил про деятельность лидеров оппозиционных движений периода 1997—1999 гг., которые спекулировали новыми для региона религиозными лозунгами и призывами: *«Мы всегда гордились тем, что мы – чеченцы. А сегодня нам говорят: „Не говорите, что вы чеченцы. Не говорите, что вы – чеченское государство“. У нас хотят отнять веру наших отцов, наших шейхов и устазов. Отнять наши обычаи и традиции, адат. Но этого у нас никто и никогда не мог отнять. Они недовольны даже тем, что мы говорим „Чеченское исламское государство“. Они говорят, что президент, парламент, муфтият – это ничто. Всё должно быть в руках эмира. Добавлю – которого сюда прислали непонятно из какого государства, и к тому же он не чеченец. Это делается для того, чтобы подорвать уважение к государству, закону – то есть дискредитировать идею государственности»* (газета «Аль-Кафф», октябрь 1998 года).

Кстати, как раз в эти дни, 23 июля того же 1998 года в газете «Голос Чеченской Республики» вышла моя статья «Нация и её приоритеты» на эти же темы. Появление статьи имело свою предысторию. Написав на чеченском языке, я отнёс её в редакцию газеты «Даймохк». Там печатание материала такого содержания посчитали нежелательным. После чего я на эту же тему написал статью на русском языке и отнёс её в редакцию газеты «Голос Чеченской Республики». Редактору, Саците Исаевой, я сказал, что принёс бомбу, и, если они не напечатают, я перешлю материал в российские газеты. Напечатали. Эту и ещё цикл статьей на протяжении нескольких лет. Газеты «Голос Чеченской Республики» (редактор Сацита Исаева) и «Чеченское общество» (редактор Тимур Алиев) были почти единственными, кто объективно, без политической предвзятости освещали непростые события того сложнейшего периода в нашей истории. Сейчас эти и другие независимые газеты перестали выходить. Так вот, по рассматриваемой теме в этой статье в частности писалось: *«Опасность… по-моему, в том, что нас хотят нивелировать под некую „исламскую нацию“ – безликую, безмолвную и бесписьменную… Если нам дорога наша свобода, если мы думаем о нашем будущем, мы должны остерегаться внедрения в нашу жизнь таких норм, которые отвергли наши предки…»*

Деятельность этих группировок и использовавших их политиков, привёдшая ко второй, путинской войне и к ликвидации процесса формирования чеченской государственности, достаточно освещена в разделе «Оппозиция». Стараниями политиков от религии, стремящихся использовать новое учение для прихода к власти, их нетерпимое отношение к идеологии суфизма привело к их конфронтации с приверженцами традиционного для всего региона тариката. Передо мной маленькая брошюрка – **«Образ жизни в исламе».** Автор – Абу Аля аль-Мадауди. Издано в Москве в 1993 году. Вдумайтесь ещё раз: **издано – Москва, 1993 год.** В ней пишется: *«Цель ислама заключается также в создании политического строя, который смог бы своей властью* ***с помощью силы насаждать*** *моральный кодекс среди людей»*. Вот он, лозунг, и вот она, ошибка чеченских и дагестанских ваххабитов-салафитов того периода. Автор этих строк – абсолютный дилетант в области религиозных наук и не считает себя вправе рассуждать на религиозные темы. Но, по-моему, данное утверждение противоречит кораническому утверждению ***«Нет принуждения в религии».*** Чеченцы ислам приняли добровольно. Чеченцам ненавистна любая власть и идеология, насаждаемая **«с помощью силы».**

В этом истоки многовекового противостояния чеченцев российской власти и неприемлемости ими любой, даже под видом религиозной, идеологии, насаждаемой с помощью силы. Об этом следовало бы знать последователям нового для региона учения того периода и помнить тем, кто сейчас правит и собирается в дальнейшем править в Чечне. Они могут строить золотые дворцы, но загнать в них чеченцев силой российского, или арабского, или собственного оружия или учений не получится. Полежаевское *«в России чтут царя и кнут»* к чеченцам абсолютно неприменимо. Глубоко заблуждаются те, кто выстраивает свою политику из предположения, что с кавказцами, а особенно с чеченцами, можно разговаривать только с позиции силы. Напротив, нельзя с чеченцами так разговаривать и так себя с ними вести: это чревато последствиями. ***«Мерами насилия можно угнетать народ, но нельзя управлять им»***, — эти слова великого российского писателя-философа Л. Н. Толстого из его письма царю Николаю II надо зарубить себе на носу тем, кто вздумал править в Чечне.

Основным отличием существующих на Северном Кавказе разновидностей многочисленных направлений в исламском учениях – тариката от других является коллективное восхваление Аллаха и коллективное поминание усопших по обряду, определённому почитаемым устазом, а также каждым отдельным мюридом во время или после совершения намаза единолично. Коллективное обращение к Аллаху и коллективная молитва произносятся на таких обрядах, как мавлид и зикр. Во время мавлида, совершаемого часто в месяц рождения пророка, при совершении обряда обрезания детей, при наречении ребёнка именем, при поминках по усопшим, при каких-либо важных событиях в жизни человека или сообщества люди собираются вместе, вместе трапезничают, вместе совершают молитвы, вместе возносят хвалу Аллаху и его пророку, а также просят Аллаха распространить благость произнесённых молитв и совершённых ритуалов на своего пророка, своих учителей-устазов в религии, и на всех покинувших этот мир родственников присутствующих, и на всю мусульманскую умму, и на весь мир в целом, в том числе и на флору и фауну.

Особую форму чеченской культуры составляет назма – отдельная форма чеченского национального песенного творчества, с большим успехом используемая верующими суфиями. Исполнение мужским коллективом назмы, когда солисту вторят в несколько голосов с мощным подпевом всего состава, оставляет неизгладимое впечатление. Исполнение назмы нередко происходит с музыкальным сопровождением и отбиванием такта на барабанах. В основном это происходит при исполнении назмы на светских мероприятиях. В назмах на религиозные темы такое сопровождение производят в Чечне только приверженцы вирда Вис-Хаджи. С ним не сравнимы ни грузинское мужское песнопение, ни христианское хоровое церковное пение. Причём назмы исполняются не только на религиозные, но и на героико-эпические исторические темы. Жанр назмы фактически и возник как песенное творчество, отражающее всю полноту жизни горцев. И хотя возникновение этого вида народного песенного творчества не связано с религией, с проникновением в среду чеченцев суфизма оно не только оказалось очень востребованным, но и приобрело характерные экзальтированные оттенки, превратилось в яркий народно-религиозный жанр, в мощное религиозное средство психологического, эмоционального воздействия на население. В различных районах республики имеются известные солисты – исполнители назмы как на религиозные, так и на героико-эпические и лирические темы, послушать которых люди собираются специально. Но больше всего назмы исполняются во время религиозных обрядов мавлид и зикр. В них в песенно-стихотворной форме описываются эпизоды из жизни и деятельности пророков, наставников-устазов, в них звучат морально-нравственные темы.

Жанр народного творчества назма стал одной из составных частей суфийской религиозной обрядности, как и многие другие. Например, обряд «саг1а даккхар» (жертвоприношение) во время засухи, или чрезмерных осадков, или других природных и иных катаклизмов, широко применяемый в Чечне и Дагестане, корнями уходит в периоды язычества. Таким обра-

зом, наблюдается тесное переплетение суфийской обрядности и чеченских (кавказских) народных традиций, форм культуры. Это свойственно многим другим народам и религиям. Особенно это проявляется во многих российских праздниках и традициях, где тесно переплетены дохристианские (языческие) обычаи и христианские православные обряды. И потому критика суфизма адептами новых для региона религиозных учений – вчерашними коммунистами, комсомольцами, бывшими военнослужащими советской армии и милиционерами – воспитанниками атеистической эпохи – дилетантами в религиозных вопросах и выпускниками арабских религиозных учебных заведений в Чечне, Дагестане и на всём Северном Кавказе, естественно, воспринимается как посягательство на народные обычаи, традиции, культуру.

Зикр – особая форма коллективного многократного поминания Аллаха. Накшбандийцы совершают зикр тихо, без телодвижений. Кадирийцы – громким голосом, сопровождая хлопаньем в ладоши, совершая круговые движения и притопывая. Эти обряды (зикр, мавлид, назма), совершаемые коллективно, формируют в суфиях чувство единения, принадлежности к единому сообществу, сплачивают людей, способствуют приобщению людей к религии. Вспоминается один случай. Шли похороны одного из моих родственников, Было это в начале 80-х. Время насаждаемого атеизма. Родственник ещё во время депортации женился на осетинке-христианке. Соответственно, религиозным вопросам в семье должного внимания не уделялось. Сам глава семейства изредка совершал намаз, особенно в последние годы болезни. И, конечно, таким же слабым мусульманином рос его единственный сын. К тому времени сын только окончил школу. Как и большинству его сверстников, ему было мало дела до вопросов религии. На похоронах его отца совершали зикр. Как обычно, верующие неистово кружились, хлопали в ладоши, громко произносили «Аллах, Аллах», пели назмы. Мы заворожённо наблюдали. И вдруг сын покойного, не совершавший до этого даже намаза, всё время проживший в городе, среди русских, ринулся в круг зикристов и стал вместе с ними произносить имя Аллаха, хлопать в ладоши, бегать по кругу. А за ним и несколько его сверстников. Эмоциональное воздействие ритуалов зикристов очень велико. Пример другой: моя мать, из тейпа Чармой, придерживалась вирда Докку (Абдул-Азиз Шаптукаев), накшбандийского тариката. Среди её тейпа достаточно много и людей, придерживающихся вирда кадирийя. Отец же, из тейпа Харачой, придерживался обрядности вирда Кунта-Хаджи кадирийского тариката. Мать при жизни говорила, чтобы, когда умрёт, выносили её с зикром. На её похоронах обязательный обряд поминовения (маха бар) последователи вирда Докку и кунта-хаджийцы совершили вместе, по обряду вирда её и её родителей – их устаза Докку, без громкого зикра. Но выносили и сопровождали её по обряду кунта-хаджийцев – с зикром, громким исполнением молитв и назм, как она ещё при жизни пожелала. Так проявилась присущая старшим поколениям веротерпимость и взаимное уважение. Сейчас это почти не наблюдается.

В настоящее время, как утверждают исследователи, в исламе 73 различных течения и направления. Это – данность, с которой надо бы считаться и проявлять друг к другу терпимость. Осуждение радикализма, противодействие использованию религиозных лозунгов в политических целях и противодействие совершению различных террористических актов под этими лозунгами, конечно, необходимы. Но автоматическое, тем более на государственном уровне, отнесение приверженцев религиозных учений, отличных от традиционных в регионе, к радикалам и террористам тоже не будет способствовать целям обеспечения в регионе толерантности и стабильности. Хотя справедливости ради надо признать, что в своё время, а именно в период 1997—1999 гг. на территории Чечни и всего Северного Кавказа религиозная нетерпимость приняла крайне радикальный характер. Так, по далеко не полным данным, приводимым в книге Андрея Савельева «Чёрная книга чеченской войны» (2000 год), с 1995 года на Северном Кавказе было совершено 68 нападений на представителей суфийских орденов, в которых убито 57 и ранено 24 священнослужителей. Из них в Чечне и Ингушетии убитых – 17, раненых – 15 человек. Так, из нашего села Эшилхатой был убит прямо в своём доме Ваха-

Хаджи Мечиев, проживающий в Аргуне, женатый на дочери известного учёного-богослова Мохмада Басханова из Элистанжи. Также был убит известный алим-тарикатист из Элистанжи Абдул-Вахид Магомадов. Кстати, эти случаи не отражены в списке Савельева, что свидетельствует о том, что список этот далеко не полный. Они не были участниками оппозиционных движений, не сотрудничали с российскими военными. Абсолютное большинство жертв этих преступлений были приверженцами тарикатистского учения. И они объективно способствовали дестабилизации обстановки на территории Чечни. А вот это уже точно было на руку жаждущим реванша российским военным и российским политико-олигархическим группировкам, использующим события в регионе для достижения своих политических и меркантильных целей. Так что связывать все негативные проявления того периода только с деятельностью приверженцев определённых религиозных учений и группировок вряд ли будет обоснованно, поскольку влияние внешних сил на события было огромно.

Но противостояние по религиозному признаку тем не менее и к сожалению существовало. Религиозная непримиримость среди некоторых приверженцев нового для региона крайне политизированного учения была настолько велика, что были случаи, когда сын убивал отца и брат брата или сестру. Такие дикие, никогда в другие времена не бывшие свойственными не только чеченцам, а вообще кавказцам, случаи были следствием методов действий адептов нового в регионе религиозного учения. Превратно толкуя известное религиозное учение о том, что каждый мусульманин обязан противодействовать злу или делом, или словом, или жестом, или отстранением от него, они возлагали на своих приверженцев прямую обязанность наставлять на «путь истинный» суфиев, приверженцев тариката, носителей, как они считали, зла (ширка, бид1а, куфра), к которым они относили и все суфийские обряды (зикр, мавлид, назма, исполнение «вирда»), а также все чеченские светские обычаи и мероприятия – танцы, музыку, песни, илли, театры и т. д. Наставлению, по их понятиям, подлежали не только окружающие, но и прежде всего члены семьи – родители, братья, сёстры, другие родственники, что вызывало те эксцессы, о которых писалось выше. Конечно, такое навязывание своих убеждений ни с какой стороны успехов иметь не могло и не может. Противоречия между суфиями и приверженцами салафитского учения в Чечне обострялись политиканствующими «деятелями», которые имели крайне поверхностные представления по религиозным вопросам, касались в основном вопросов обрядового характера, абсолютно не нужных народу. Есть, наверное, и вопросы принципиальных положений. В основном они касаются того, что салафиты подвергают критике заявления определённых рьяных почитателей учителей-устазов о некоторых сверхъестественных способностях своих векилов в земной жизни и в Судный день, равносильных, как они говорят, «приданию сотоварища Аллаху», что действительно осуждается в Коране. Разбираться в этих нюансах – дело учёных алимов, но никак не руководителей светских государственных образований, каковыми сейчас являются республики в составе РФ.

Но такое вмешательство руководителей светских по конституциям республик в религиозные разногласия сейчас в регионе наблюдается, причём самыми радикальными репрессивными методами. В свою очередь, и религиозные «проповедники» по обыкновению лезут в политику. О необходимости минимизировать административное вмешательство в религиозные разногласия пишет в своей статье «Ислам в советской Чечено-Ингушетии» известный чеченский писатель и общественный деятель Сайдхамзат Нунуев: *«Расширение масштабов борьбы с ваххабитами административно-полицейскими методами, то есть вовлечение во внутрирелигиозную борьбу государства, выгодно официальному духовенству (лидерам духовных управлений), которое озабочено исключительно сохранением своего главенствующего положения среди мусульман и весьма удобной близостью к светским властям».* И далее я вполне солидаризуюсь со словами Нунуева о том, что государство не должно *«подменять принцип светскости поддержкой, исходя из политической целесообразности, какой-либо одной религии, более лояльной на данный момент официальной власти», «вмешиваться в религиозно-доктриальные раз-*

ногласия». Я бы тут добавил, что данное пожелание может быть верным только в случае, если эти *«религиозно-доктриальные разногласия»* не становятся факторами, дестабилизирующими состояние общества. Носители любых идей, идеологий, в том числе и религиозных учений, вносящие смуту и раздор в общество, дестабилизирующие обстановку в государстве и обществе противоправными и незаконными методами, могут и должны быть остановлены и осуждены по законам данного общества и государства. Но только за свои действия, а не за убеждения. Любая религия, любое учение и направление в различных религиях, не проповедующее человеконенавистничество и не сеющее между людьми вражду и нетерпимость, должно иметь право на существование. Любой человек, приверженец любой религии должен иметь право исповедовать свою религию в приемлемой для себя форме и по одобряемым им обрядам. И никто не вправе никому навязывать свою религию, а в религии свои обряды. Вот последнее, к сожалению, являет собой проблему современного мира.

Проблема отношений между религиозными структурами и государством возникла с момента образования церкви как института объединения верующих по конфессиональному признаку и создания этим институтом своих органов управления. Церковные реформы начала XVI века в Англии, когда англосаксонская церковь была объявлена государственной, кальвинистские и протестантские движения в Европе и, наконец, реформы Наполеона действенно ограничили безраздельное господство органов инквизиции и римского Папы в Европе. Церковные реформы царя Ивана Грозного (1551 год – Стоглавый собор), реформы Петра I (утверждение в 1721 году Священного Синода) тоже были направлены на ограничение вмешательства религиозных деятелей в политическую жизнь и ограничение их огромных имущественных прав и возможностей, особенно в сфере землепользования.

Принято считать, что в исламе не существует церкви как организации. Это не совсем так. В настоящее время такие исламские организации в России, как духовные управления мусульман, институты муфтиев и имамов мечетей в руках обладателей власти всё более и более используются как организованные управленческие структуры. Причём назначение муфтиев, кадиев, имамов мечетей даже в государствах и регионах государств, объявленных светскими, контролируется светскими руководителями. В свою очередь религиозные институты и деятели всегда пытались и пытаются определять политическую, экономическую и социальную политику государств. Единственный и наиболее действенный выход из этого извечного противостояния – отделение церкви от государства и государства от церкви. Государство предполагает наличие конституции, законов, которые каждый гражданин *обязан* соблюдать. Религия как вера не может быть обязательной. Нельзя обязать, заставить человека верить. Любое государство, которое объявляет себя исламским, иудейским, христианским, делает религию причастной к насилию, которое оно (государство) не может не осуществлять по определению своей сути, превращая тем самым веру в политическую идеологию, хотя и в религиозной форме. Но, тем не менее, такие государства в современном мире существуют. Из зарегистрированных в ООН 193 государств в 50 государствах религия объявлена государственной (официальной). Из них в десяти странах официальной признано католичество, в Дании и Исландии – лютеранство, в Греции и в России – православное христианство. В Швеции и Англии главами церквей являются соответствующие монархи. Из 50 стран с преобладающим мусульманским населением в 28 странах ислам конституционно установлен государственной религией. В трёх из них – в Саудовской Аравии, Иране и Пакистане – действует полное шариатское судопроизводство. Федеральный шариатский суд Пакистана наделён правом вынесения определения о соответствии принимаемых властями законов предписаниям ислама. Вот эту модель и пытались, видимо, ввести в Чечне в период 1997—1999 гг. лидеры оппозиции, использовавшие в своих политических целях религиозную риторику. Из более чем 70-летнего периода воинствующего атеизма они вздумали окунуть народ в бурлящее море раздираемого противоречиями и кровавыми конфликтами афро-азиатского духовно-нравственного мира. Без учёта готов-

ности к этому населения и без учёта того, что некоторые нормы морали, этики, обычаев, права арабского средневекового мира не соответствовали таковым же чеченского общества, его представлениям о свободе, чести, достоинстве личности и до сих пор нашими предками не применялись. Хотя в своём внутреннем устройстве вопреки политике советских властей нормами шариата и также адатов они пользовались во многих вопросах. Всё это внесло разногласия в общество. Конечно, каждый человек, верующий и неверующий, как гражданин может участвовать в общественно-политической жизни. Но если ты идёшь в политику, в государственные структуры, веди себя по совести, по-божески, но не бравируй своей «набожностью», не пытайся использовать своё «богопочитание» для достижения политических целей. Каждый человек делает намаз и совершает молитву по обряду своей религии – для себя: не для меня, не для него, не для них. На всём бывшем постсоветском пространстве, в том числе и в Чеченской Республике, чиновники, которые в силу сложившейся системы редко могут в своих поступках, в поведении на службе придерживаться норм, соответствующих высоким моральным требованиям религий, упоминают на каждом шагу имя Всевышнего. Их заверения в глубокой набожности, воспринимаются как лицемерие.

Но продолжим. Не только эмоциональным воздействием своих ритуалов и обрядов отличаются тарикатисты. Также сильна их сплочённость и их стойкость в противодействии враждебным силам и способность выдержать жизненные испытания и невзгоды. В основе этого лежит развитое чувство принадлежности к единой общине, в данном случае – к суфийскому братству. Вот это и не нравилось властям царским, советским, в общем – российским. А также – новоявленным политиканствующим деятелям в Чечне и Дагестане, пытающимся идеями нового религиозного учения разрушить это существующее единение тарикатистов, подчинить их своей идеологии, воле и использовать их в своих целях утверждения у власти. Также руководители, находящиеся у власти, как и лица, стремящиеся к власти, всегда стремились использовать эту силу. Одни – для утверждения у власти, что наблюдается сейчас в Чечне, а другие – для прихода к власти, что было характерно в 1990—1999 гг.

Вообще роль религиозных деятелей на Северном Кавказе очень неоднозначна. Характерной чертой их деятельности во все времена, начиная с периода военных действий под предводительством Шейха Мансура, является активная жизненная позиция в общественной и политической жизни своих народов, вплоть до непосредственного участия в военных действиях одних и сотрудничеством с власть имущими других. Во время неоднократных попыток государственного обустройства чеченского общества, в процессах определения приемлемых отношений с российским государством вмешательство религиозных деятелей различных направлений в общественную и политическую жизнь чеченцев, привнесение религиозной риторики в сферу политики в дальнейшем сыграло очень большую роль в попытках образования чеченской национальной государственности, которая, к сожалению, в определённые периоды не всегда имела позитивный характер. И примером этого могут быть известные события в Чечне в период 1997—1999 гг., отголоски, которых ощущаются до сих пор. Здесь необходимо сделать некоторое уточнение: разногласия на религиозной почве в чеченское общество в этот период внесены были более политическими, нежели религиозными деятелями. Но в целом неизбежное участие религиозных деятелей в политической и общественной жизни Чечни и всего Северного Кавказа, несомненно, играло позитивную роль, способствовало объединению разноязычных племён, формировало чувство принадлежности к единой общности, придавало выдержку, силу, стойкость в многочисленных сложнейших и трагических ситуациях в жизни народов.

По теме можно вспомнить одну чеченскую быль. В дни депортации чеченцев и ингушей в феврале 1944 года в одном из переполненных людьми вагонов к удручённым и смятенным людям, плачущим женщинам, детям и хмурым мужчинам обратился один из старших. «Послушайте, люди, – сказал он, – успокойтесь, не рыдайте и не будьте в смятении. Куда бы нас ни

везли, нас не повезут туда, где нет Аллаха». Вера придавала народу стойкость и силу в испытаниях судьбы.

3.4. Период политических иллюзий

Очередная попытка политического самоопределения чеченцев, попытка образования чеченской национальной государственности произошла после Февральской и Октябрьской революций 1917 года в России. Этот период можно характеризовать как период политических иллюзий.

Со свержением монархической власти в России все слои горского населения Северного Кавказа, как и все другие народы, связывали надежды на улучшение социальной, экономической жизни, на возможность формирования органов власти и внутреннего самоуправления в соответствии с собственным жизненным укладом. Перспектива выбраться из горных ущелий, куда были загнаны царизмом и казачеством горские народы, вызвала огромную активность беднейших слоёв населения. В политическую жизнь активно включилось и чеченское офицерство, интеллигенция, духовенство, которых вдохновляла появившаяся возможность государственного самоопределения.

Все перипетии данного периода изложены в многочисленных исследованиях этого вопроса историками и политиками с различных более или менее объективных позиций. В современных исследованиях наиболее объективно и обстоятельно процессы данного периода, по-моему, изложены в книге Т. Музаева «Союз горцев, русская революция и народы Северного Кавказа», которая послужила автору большим подспорьем в написании данной главы. В художественных произведениях эти события ярко отражены в замечательной книге Халида Ошаева «Алун шераш» («Огненные годы»). Обращение к этому периоду в данной работе связано только с необходимостью его рассмотрения как одного этапа в процессах образования чеченской государственности.

Обстановка того периода на Северном Кавказе была крайне сложной. В Терской области, Дагестане, на Кубани и Ставрополье схлестнулись интересы различных групп населения: разноязычных горских народностей, неоднородных по социальному и культурно-образовательному уровню, терского казачества, тоже неоднородного по социальному положению, иногороднего населения в казачьих станицах и поселениях, городского населения и духовенства. И такими же многоликими были и формирующиеся после начала работы Временного правительства органы власти на местах.

Уже в марте в административном центре Терской области Владикавказе и в городах и округах были сформированы новые временные органы власти: 19 марта (даты по новому стилю) – Временный исполнительный комитет Терской области, 20 марта – Временный исполнительный комитет Союза объединённых горцев, 27 марта войсковым кругом атаманом терского казачества избран Михаил Караулов. В Грозном уже в начале марта был избран Совет рабочих, солдатских и казачьих депутатов. 27 марта в Грозном же состоялся съезд чеченцев Терской области, который избрал Чеченский национальный совет. Председателем исполкома был избран Ахметхан Мутушев, заместителем – Таштемир Эльдарханов. Эльдарханов одновременно был избран и комиссаром Грозненского округа. Назначенный Временным терским исполкомом начальник Грозненского округа Ильин был смещён. Комиссаром Веденского округа был оставлен назначенный терским исполкомом полковник А. Адуев. То есть чеченский исполком взял власть над всем населением чеченских округов Терской области – Грозненского и Веденского. С 14 по 20 мая 1917 года во Владикавказе прошёл I Съезд горских народов Кавказа – народов Терской области, Дагестана, Кубани и Ставрополья. Съезд продекларировал необходимость объединения горцев в едином государственном образовании в составе единого федеративного государства. Никакой речи о «выходе из состава» единого государства не было. Была принята конституция и сформированы органы власти – центральный исполнительный комитет, подотчётный съезду. Председателем ЦИК Союза объединённых горцев был избран

Абдул-Мажид (Тапа) Чермоев, его заместителями – Пшемахо Коцев от Кабарды, Рашид-Хан Капланов от Хасавюрта, Башир Далгат от Дагестана. А с 31 мая по 2 июня во Владикавказе же прошёл Терский областной съезд гражданских комитетов и советов рабочих и солдатских депутатов. На съезд съехались делегаты исполкомов шести национальных округов (Владикавказского, Грозненского, Веденского, Назрановского, Хасавюртовского, Нальчикского), четырёх казачьих отделов (Моздокского, Пятигорского, Сунженского, Кизлярского), трёх слобод (Хасавюрта, Нальчика, Ессентуков), семи городов (Владикавказа, Грозного, Моздока, Пятигорска, Георгиевска, Кизляра, Кисловодска). На съезде ассоциировались представители национальных округов с делегатами казачьих отделов. Начало такому объединению было положено 18 мая там же, во Владикавказе, на совместном заседании делегатов съезда горских народов и войскового круга терского казачества. А они на съезде составляли абсолютное большинство – 47 делегатов-горцев и 26 делегатов-казаков из общего числа 92 делегатов. Съезд тоже принял конституцию и утвердил Центральный исполнительный комитет Терского областного совета. Председателем Терского областного совета был избран Пшемахо Коцев, заместитель председателя ЦИК Союза объединённых горцев. Терский областной совет и его исполком распространяли свою власть на всю Терскую область. Центральный исполком Союза объединённых горцев, входя как фракция в Терский совет и формально подчиняясь терскому исполкому, распространял власть на горские округа Терской, Кубанской и Дагестанской областей. Войсковой круг терского казачества осуществлял власть в казачьих отделах Терской области и тоже входил в состав Терского областного совета. Фактически Терский областной исполнительный совет и его исполком стали коалиционным органом власти, в котором власть разделили представители Союза объединённых горцев и правление войскового круга терского казачества.

Все органы власти во Владикавказе и местные национальные и гражданские комитеты признали власть Временного правительства. Таким образом, в конце мая – начале июня 1917 года в регионе утвердилась власть. Союз объединённых горцев и войсковой круг терского казачества высказались за федеративное устройство российского государства, в котором государственное образование горцев имело бы широкую автономию. На первом съезде горцев было принято решение казённые земли и леса вернуть горцам. Закреплено право свободного ношения оружия. Но главный вопрос – вопрос о земле, вопрос возвращения горцам, в основном чеченцам и ингушам, земель, занятых казачьими станицами и чиновниками, ни горским съездом и его исполкомом, ни Терским областным исполкомом решён не был. Вопрос был отложен до созыва Учредительного собрания. Но казачество по этому вопросу определилось однозначно, в том смысле, что ни одна пядь казачьей земли не может быть отчуждена ни под каким предлогом. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что союз горцев и казаков долго продержаться не может. Союз это держался в основном благодаря стараниям лидеров обеих сторон – Тапы Чермоева со стороны горцев и атамана Михаила Караулова со стороны казаков, которые понимали всю сложность данного вопроса и взрывоопасность ситуации.

В октябре того же года Союз объединённых горцев и правление войскового круга вошли в Юго-восточный союз, который должен был объединить Войско Донское, кубанское, терское и астраханское казачества, горские народы Кавказа, степные народы Ставрополья и Калмыкии в вопросах государственного обустройства рушившейся империи и в борьбе с социалистами (большевиками), дезорганизующими армию и экономику. Далее, эти две структуры – Союз объединённых горцев и войсковой круг терского казачества, объявившие себя правительствами, – 14 декабря 1917 года создали одно объединённое терско-дагестанское правительство. Председателем правительства был избран Рашид-Хан Капланов. В некоторых источниках пишется, что председателем терско-дагестанского правительства был избран М. Караулов. Но с учётом того, что в данный период в организующихся структурах власти горцы составляли большинство, представляется более вероятным, что председателем был избран Капланов. Именно этим фактором можно объяснить и отставку с поста председателя Горского правитель-

ства Т. Чермоева. С отставкой Чермоева председателем правительства Горской республики и одновременно терско-дагестанского правительства становится его бывший заместитель князь Рашид-Хан Капланов.

Все эти союзы, объединения, правительства только создавали видимость власти и не могли долго просуществовать, не разрешив главный для региона вопрос – земельный. Организаторами этих правительств, союзов и руководителями в основном были сословные верхи – представители горского офицерства, казачьей верхушки, зажиточного купечества, успешной интеллигенции, которые сами были или владельцами земель и другой собственности, или представляли интересы таких владельцев.

Но между тем на политическую арену в крае выходили другие силы – массовые и очень сильно социально ориентированные: малоземельная горская беднота, сорганизованная социалистами и большевиками масса рабочих промышленного Грозного и других городов, дезорганизованная большевистской агитацией армия, а также дагестанское и чеченское духовенство. Благие декларации из Владикавказа не могли устраивать эти силы. Как известно, кадетско-монархическому лозунгу «За Россию – единую и неделимую», под которым с 1994 года современные «демократические» власти России подвергают экзекуции чеченский народ, в то время партия большевиков противопоставила лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и очень понятный и привлекательный лозунг «Заводы – рабочим, земля – крестьянам». Перспектива национального самоопределения и возвращения земель, отданных царскими властями казачеству и социальным верхам, вызвала большую активность национальной интеллигенции и широких масс горского и беднейших слоёв русского населения края.

Сформировав Чеченский национальный совет и назначив заместителя совета Т. Эльдарханова комиссаром Грозненского округа, чеченская интеллигенция и представители офицерства предъявили претензию на власть во всей Чечне, включая Грозный, с чем, конечно, не могло согласиться казацкое и русское население Грозного и близлежащих казацких станиц – Грозненской, Петропавловской, Ильинской, Отрадненской, Михайловской и других, а также русское население Грозного, укрепления и слободы Воздвиженская и имеющие чёткие установки на захват власти лидеры социалистических партий – меньшевики, эсеры, большевики.

В конце мая 1917 года в Грозном начинаются погромы солдатами и русским населением чеченцев и других «азиатов». Деморализованные большевистской пропагандой военные III пехотного полка и других воинских частей учиняют бесчинства, занимаются мародёрством по всему краю и особенно в Грозном. Под предлогом разоружения горцев занимаются грабежами, убийствами, хотя решением ЦК Союза объединённых горцев и Терским облисполкомом именно за горцами и казаками закреплено право ношения оружия. В этих условиях действующие на территории Грозного различные советы и комитеты решают установить совместную власть. В Грозном 24 июня организуется Грозненский районный исполнительный комитет, сформированный из представителей чеченского национального исполкома, Совета рабочих и солдатских депутатов, казачьего и гарнизонного комитетов, грозненского и гудермесского комитетов железных дорог и представителей эсеров и меньшевиков. Председателем районного комитета становится председатель Чеченского национального комитета Ахметхан Мутушев, возглавляющий в комитете самую многочисленную чеченскую фракцию. Грозненский районный исполком во главе с Мутушевым был призван осуществлять власть на территории Грозного, станицы Грозненская и территорий заводов и фабрик. Кроме того, как председатель Чеченского национального исполкома он имел полномочия власти на всей территории Чечни – Грозненского и Веденского национальных округов.

Такое положение не устроило социалистов области и чеченское мусульманское духовенство. Чеченское и особенно дагестанское духовенство никогда, ни в какие времена не ограничивалось и не удовлетворялось ролью духовных наставников. Оно всегда хотело и хочет быть или у власти, или при власти. В начале описываемых событий чеченское духовенство, которое

после ареста Кунта-Хаджи и депортации в 70-х годах XIX века не менее четверти чеченского населения в Турцию приспособилось к оккупационной власти, активного участия в начавшемся «демократическом» движении не принимало. Такая же картина была и в 1991 году. В ЦК Союза объединённых горцев не было ни одного духовного лица. Но при нём был образован духовный совет и предполагалось введение шариатских судов наравне со светскими. Лидеры духовенства 8—9 июня в Грозном провели съезд чеченцев Грозненского округа. Этим съездом был смещён с поста комиссара Грозненского округа Таштемир Эльдарханов. Вместо него избрали устаза мюридов накшбандийского толка Дени Арсанова. Также было решено отменить действующие среди чеченцев словесные народные суды и учредить суды шариатские.

Введение шариатских судов – это первый шаг к установлению шариатского правления. Что такое шариатское правление? Это – власть. Установить шариатское правление в устах мулл или политических деятелей, спекулирующих на религиозных чувствах людей, всегда означало и означает «Отдайте нам Власть». С этими играми в шариат и спекуляцией религиозными лозунгами мы, точнее, наши «лидеры» угробили чеченскую государственность в период 1997—1999 гг. Начало же было положено ещё тогда, в 1917 году.

Вновь съезд чеченцев собрался 25 июля в Алдах. Съезд избрал новый совет и новый исполком. Председателем снова был избран А. Мутушев. Его заместителями – Т. Эльдарханов, Муса Курумов, Изнаур Арсанукаев. Членами исполкома – Т. Чермоев, Д. Шерипов, М. Мациев и другие. В общем, в руководстве исполкома вновь оказались представители чеченской интеллигенции и офицерства. Представители духовенства в лице Дени Арсанова и Аббаса Гайсумова тоже были выбраны в члены исполкома. В национальных округах Северо-Кавказского региона, важнейшая роль в котором принадлежала Чечне и Дагестану, проблемы населения без участия духовенства, конечно, решаться не могли. Это и понятно: устазы, муллы были составной частью населения края, причём образованной и обладающей серьёзным влиянием. И оставаться в стороне от процессов, затрагивающих все стороны жизни своих народов, они не могли. Кроме того, в сложнейших ситуациях, чреватых обострением межнациональных и межсословных отношений, они очень часто играли стабилизирующую роль. Но нередко – и дестабилизирующую. Что и проявилось на втором съезде горских народов Кавказа и в последовавших за ним событиях.

Съезд начался 2 сентября 1917 года. В окрестности села Анди и озера Кезеной-Ам съехалось огромное количество горцев Северного Кавказа и даже Закавказья. Дагестанским духовенством был пущен слух, что на съезде будет избран имам Северного Кавказа. На роль имама претендовал крупный земле- и скотовладелец, аварский богослов Нажмутдин Гоцинский. Гоцинский не был провозглашён имамом прежде всего благодаря активному противодействию чеченских алимов-арабистов во главе с Сугаипом Гайсумовым. При содействии Тапы Чермоева Гоцинский был провозглашён муфтием Северного Кавказа. Однако на территории Чечни его деятельность с этих пор фактически влияния не имела. Поражение он потерпел от социалистов и в самом Дагестане. На состоявшемся 5 сентября I съезде народов Дагестана ни он, ни его приверженцы Даниял-Кади Дебиров и князь Тарковский не были избраны в Дагестанский областной исполнительный комитет. Но дагестанские шариатисты 14 сентября создали свой Дагестанский мусульманский национальный комитет. В Грозном в сентябре под предлогом невыплаты заработной платы чеченскими милиционерами было совершено рукоприкладство в отношении председателя исполкома Чеченского национального совета, председателя исполкома Грозненского районного совета, председателя Грозненской городской думы Ахметхана Мутушева. Фактически он был отстранён от политической работы в регионе. Председателем Чеченского исполкома стал М. Курумов, его заместителем и одновременно комиссаром Грозненского округа – Дени Арсанов. В Чеченском национальном исполкоме стали заправлять религиозные деятели и купечество. Чеченское духовенство получило власть. И единственное, что они сделали, – продекларировали образование шариатского судопроизводства. Этот путь

мы повторили и в 1998—1999 гг. Но радетелями шариата выступали уже не учёные арабисты и уважаемые устазы, как в 1917 году, а политиканствующие невежды в религиозных вопросах.

В таких условиях Чечня и весь Северный Кавказ находились к моменту большевистского переворота, после которого в Грозном формируется Центральный совет рабочих и военных депутатов как орган новой власти. Межнациональные отношения в связи с нерешённостью земельного вопроса и продолжающимися репрессиями в отношении чеченского населения в Грозном и окрестностях продолжают обостряться. Для укрепления порядка в Грозном советы депутатов и казачьи комитеты формируют Грозненский окружной военно-революционный комитет под председательством Иоанисиани. В Грозном арестовывают всех чеченцев всех возрастов, в том числе женщин, стариков и детей. Одного из организаторов этих погромов, Н. Гикало, чеченцы позднее приютят в своих сёлах, спасая от деникинцев. А в современной Чечне в городе Грозный его именем, а также именами Иоанисиани и Косиора названы улицы.

Во всей Чечне происходят вооружённые столкновения чеченцев и ингушей с одной стороны и казаков и принявших их сторону части осетин с другой. Казачьи ревкомы уничтожают чеченские сёла Старый Юрт, Старая Сунжа и другие. Чеченцы уничтожают и сжигают казачьи станицы Какановская, Ильинская, ингуши – станицы Тарская, Фельдмаршальская. Лидеры горского и казацкого движений Тапа Чермоев и Михаил Караулов подвергаются критике со стороны своих же за соглашательскую политику, чем пользуются социалисты – они создают в казачьих станицах и городах военно-революционные комитеты, разжигая античеченские настроения. На волне этих настроений 26 декабря 1917 года на станции Прохладная убивают М. Караулова, 9 января 1918 года в станице Грозненской казаки убивают шейха Дени Арсанова и 27 его мюридов. Чеченское национальное движение в связи с уходом со всех должностей Мутушева, оставлением в начале декабря Чермоевым поста председателя Горского правительства и убийством Арсанова оказывается обезглавленным.

В этих условиях 15 января проводится съезд чеченцев. На съезде Тапа Чермоев, старавшийся предотвратить войну между горцами и казаками, подвергается серьёзной критике. Формируется новый Чеченский национальный совет и его исполком, председателем которого избирают опять же А. Мутушева. Членами исполкома становятся известные в регионе богословы Солса-Хаджи Яндаров и Билу-Хаджи Гайтаев из Урус-Мартана, Сугаип-мулла из Шали, Али Митаев из Автуры, Юсуп-Хаджи из Кошкелды, известный купец из Атагов Ибрагим Чуликов. Вскоре, уже в апреле, из-за разногласий с духовными лицами пост председателя оставляет А. Мутушев. Его место занимает Ибрагим Чуликов. В истории этот комитет останется известным как атагинский меджлис.

Межнациональные отношения продолжают ухудшаться. Социалисты в Моздоке 7—13 февраля 1918 года проводят съезд народов Терека. Инициатором съезда выступает казачье-осетинский военно-революционный комитет Моздока во главе с полковником Рымарем. По мысли организаторов съезда, он должен был объявить войну чеченцам и ингушам. Представители этих народов на съезд приглашены не были. И даже проехать туда они не смогли бы: такая обострённая была обстановка. На съезде формируется социалистический блок (большевики, меньшевики, левые эсеры), который не допускает объявления войны чеченцам. Образован Временный терский областной совет. Председателем избран Ю. Пашковский. Вопрос о власти решено было решить на следующем съезде, куда решено было пригласить и чеченцев, и ингушей.

II съезд народов Терека, проходивший в Пятигорске и завершивший свою работу во Владикавказе 18 марта 1918 года, избрал органы власти. Обходя враждебные казачьи посты, на съезд с опозданием прибыли делегаты от чеченцев и ингушей Асламбек Шерипов и Гапур Ахриев. Съезд избрал Терский областной совет и его исполнительный орган – областной совет народных комиссаров. Председателем избран Ной Буачидзе. Съезд признал власть Центрального совета народных комиссаров. Также признал необходимым разоружить казачьи вооружён-

ные формирования и изъять часть казачьих земель в пользу горского населения и безземельных иногородцев. Терско-дагестанскому правительству был предъявлен ультиматум о сложении полномочий, что они и сделали 19 марта 1918 года. Одновременно сложило полномочия и Горское правительство. Руководство горского правительства перебралось в Грузию. Власть на местах перешла к национальным и городским советам и казачьим комитетам. Закончился первый этап попытки формирования государственного образования национальными элитами горцев Северного Кавказа.

Руководители горского правительства первоначально не ставили задачу образования отдельного от центральной российской власти государства. Как известно, они выступали за образование в России федеративного государства с широкой автономией для объединённых горцев Северного Кавказа. Большевики на словах признавали это право, но делиться властью с национальным офицерством и национальной интеллигенцией не хотели. Власть у этой категории горского населения оспаривали и представители горского духовенства.

Непосильным для этого правительства оказался вопрос земельный. Решить его невозможно было, не вступив в конфронтацию с казачеством, что означало войну. Горское правительство уступило власть советам и ревкомам бедноты. Неспособен был разрешить этот вопрос и чеченский (атагинский) меджлис, состоящий из духовных лиц, большинство из которых сами были крупными землевладельцами, владельцами крупных отар и магазинов, и предводительствуемый купцом Ибрагимом Чуликовым. Их увещевания к населению о прекращении нападений на казачьи станицы не имели воздействия. И 11 апреля в селе Гойты был образован другой Чеченский национальный комитет, который возглавили сторонники большевиков Т. Эльдарханов и А. Шерипов. Этот совет признал власть областного совета народных комиссаров, который взялся за разрешение самого насущного вопроса в регионе – земельного.

Состоявшийся в Грозном 22—29 мая III съезд народов Терека принял решение о переселении казачьих станиц Аки-Юртовская, Сунженская, Тарская, Фельдмаршальская Сунженского округа. Нападения чеченцев и ингушей на казачьи станицы и таковые же действия со стороны казаков стали повседневной нормой того периода. Однако узаконенное властями решение о ликвидации целых станиц привело к началу гражданской войны в регионе, которая уже вовсю полыхала на Дону, на Кубани и во всей России. Восстание казаков под руководством Георгия Бичерахова, генерала Эльмурзы Мистулова (кстати, оба осетины), а также полковников Беликова, Соколова, Медяника и других, привёдшее к августовским боям во Владикавказе, к стодневным боям в августе-ноябре в Грозном потерпело поражение. Но казачьи части уже в начале 1919 года вернулись в регион вместе с войсками Деникина. Добровольческая армия на территории Чечни и Ингушетии встретила серьёзное сопротивление не только со стороны частей 11-й и 12-й красных армий и казаков-фронтовиков, но и со стороны ингушских вооружённых ополченцев и чеченской красной армии под председательством Асланбека Шерипова, которые сложились в дни бичераховского восстания. В ходе боёв были полностью истреблены и сожжены чеченские и ингушские сёла Долаково, Кантышево, Алхан-Юрт, Цоцан-Юрт, Гойты и другие. В результате северные части Терской области и Дагестана оказались занятыми добровольческой армией вооружённых сил юга России генерала Деникина. Главноначальствующим Терско-Дагестанского края был назначен генерал Вл. Ляхов, которого сменил И. Г. Эрдели. В ставке Деникина были разработаны и утверждены «Временные правила об управлении на Северном Кавказе». Правила предусматривали выборы населением правителя и совета при правителе, которые должны были утверждаться главноначальствующим. Правитель мог назначать начальников отделов (районов), которые, опять-таки, подлежали утверждению главноначальствующим, в данном конкретном случае – Ляховым. Старшины тоже должны были избираться населением. Предполагалась возможность формирования собственных вооружённых формирований, существование наряду с общим словесным судом и судов шариатских. Всё это именовалось предоставлением «автономии» горцам. Эта «автономия»

почти повторяла схему управления бывшей Терской области. Отличия: вместо наместника – Деникин, вместо начальника области – «главноначальствующий». За исключением этих отличий данные правила также соответствовали и программным документам бывшего горского правительства, которые тоже предусматривали автономию горцев в составе единого федеративного государства, а также и установкам атагинского «меджлиса», главным требованием которого было внедрение шариатского судопроизводства.

И тем не менее власть белогвардейцев в Чечне утвердиться так и не смогла: Деникин декларировал призрачную автономию, большевики – ту же автономию, чеченскую власть, шариат и – землю. И потому восстание против деникинцев шло под лозунгом «За Советскую власть, за шариат». Просуществовавшая с начала февраля 1919 до марта 1920 года власть деникинцев фактически имела характер военной диктатуры на небольшой территории Чечни и Ингушетии в междуречье Терека и Сунжи вдоль линии железной дороги. Территории, фактически зачищенной от чеченского населения. Так, село Алхан-Юрт, почти пригород Грозного, было полностью сожжено, население истреблено почти полностью. Никаких «выборов» власти фактически не было. Назначенный правителем Чечни Эрисхан Алиев подал в отставку. Руководство Горского правительства, возобновившее свою работу в Грузии, вместе с турецкими войсками осело в Дагестане и попыталось вступить в переговоры с Деникиным, который им в этом отказал. Горское правительство 11 мая в Батуми приняло Декларацию о независимости государства горских народов Северного Кавказа и Дагестана, что не входило в планы Деникина, ратующего за «Россию – единую и неделимую». Кроме того, это правительство установило контакты с правительствами Турции и Германии, входящими в блок воюющей против Союза Антанты, в которую входила и Россия. С поражением Германии в Первой мировой войне турецкие части вынуждены были покинуть Дагестан. С их уходом 22 мая 1919 года прекратило существование и Второе горское правительство.

Чеченский Атагинский совет в своём отношении к добровольческой армии тоже был не единодушен. Председатель Атагинского меджлиса Ибрагим Чуликов стал помощником своего односельчанина Эрисхана Алиева. В то же время член Атагинского совета – меджлиса Али Митаев возглавил чеченское население села Цоци-Юрт, оказавшее серьёзное противодействие отряду деникинских войск. Гойтинский чеченский национальный совет во главе с Т. Эльдархановым и Асламбеком Шериповым оказал вооружённое сопротивление частям добровольческой армии, которые вынуждены были отступить от села. Декларируя предоставление автономии горским народам, деникинцы не собирались делиться властью ни с Горским правительством, ни с чеченскими советами. Собрав в Грозном 11 апреля чеченцев с контролируемых территорий, они предъявили им свои условия, которые можно было рассматривать как ультиматум. Чеченцев обязывали возместить ущерб, нанесённый казачеству, обеспечить армию продовольствием, выдать находящихся у них красноармейцев и руководителей большевиков и красноармейцев. За исключением небольшого количества красноармейцев, выданных Атагинским меджлисом, русские из чеченских сёл выданы не были: чеченцы не выдают людей, попросивших у них убежища. Об этом в своих «Записках» писал в своё время ещё генерал Ермолов: *«Даже наши солдаты бегут именно в Чечню. Их привлекает туда совершенное равноправие и равенство, не признающее в своей среде никакой власти. Эти разбойники принимают наших солдат с распростёртыми объятьями. Так что Чечню можно назвать гнездом всех разбойников и притоном наших беглых солдат. Я этим мошенникам предъявил ультиматум: выдать беглых солдат, или мщение будет ужасным. Нет. Не выдали ни одного солдата. Приходилось истреблять их аулы».*

Выступивший на съезде Деникин заявил, что казачьи земли горцам возвращены не будут. Тем самым в глазах народа он выступил в роли защитника интересов казачества. Условия формально были приняты, так как за выражение лояльности деникинцы обещали выдать захваченных в плен Сугаип-муллу и Ибрагима-Хаджи. Но они были невыполнимы. Большая часть

Чечни войсками добровольческой армии не контролировалась. Руководители советской власти – Таштемир Эльдарханов, Асламбек Шерипов, Николай Гикало – с остатками красноармейцев перебрались в Шатой и установили контакт с находящимся в Ведено Узун-Хаджи. Негативное отношение чеченцев к власти военных усилилось после объявления ими мобилизации чеченцев в армию.

По-разному сложилась судьба участников этих тревожных, насыщенных трагическими эпизодами событий. Генерал Эрисхан Алиев, который отказался быть исполнителем белогвардейских репрессий и подал в отставку с должности правителя в Чечне, был расстрелян советской властью в 1920 году. При попытке покинуть Россию были арестованы и расстреляны трое его сыновей. Ибрагим Чуликов эмигрировал и, как пишет Майрбек Вачагаев, во время Второй мировой войны участвовал в итальянском движении сопротивления против германских войск. Умер в США в 1986 году. (Майрбек Вачагаев, «Ибрагим Чуликов. Непростая личность в истории Чечни»). Али Митаев, воевавший против деникинских войск, обеспечивавший со своими мюридами охрану железнодорожных путей, член Чеченского ревкома, был расстрелян вместе со своим братом в 1925 году. Известный богослов Билу-Хаджи Гайтаев из Урус-Мартана арестован и расстрелян при проведении войсковой операции чекистами в 1925 году. Ахмет Мутушев был арестован и умер в лагере в 1943 году. Сам Гикало, причастный к уничтожению лучших сыновей чеченского народа, расстрелян 25 апреля 1938 года. Асламбек Шерипов, командующий Чеченской армией, убит в бою с белогвардейцами под Воздвиженской 11 сентября 1919 года. В печати ЧИАССР в 80-х годах прошла информация, что Асламбек, скакавший впереди войск, получил смертельное ранение не в грудь, а в бок, со стороны кукурузного поля. Доказать этот факт уже невозможно. Но имеет место предположение, что убить его могли агенты Гикало, который не мог допустить выдвижения в среде новой власти авторитетного деятеля-конкурента, тем более из среды чеченцев. Тапа Чермоев умер в эмиграции в 1937 году. Похоронен в пригороде Парижа. Таштемир Эльдарханов скончался в 1934 году. Иналук Арсанукаев, премьер-министр при Узун-Хаджи, был расстрелян большевиками на улице Грозного в 1921 году.

Сколько их, политических и религиозных деятелей, командиров отрядов и рядовых бойцов, способствовавших утверждению советской власти в регионе и за её пределами, уничтоженных этой же властью, – не сосчитать. По сведениям Г. В. Марченко («Антисоветское движение в Чечне в 1920—1930 гг.»), за 1937—1939 гг. только бывших партизан было арестовано и расстреляно 1037 человек. Партизаны – это участники войны с белогвардейцами и казаками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.